

ОСНОВАНО
НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ.
РЕКОНСТРУКЦИЯ СУДА
НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ
В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

ПАТРИСИЯ ПОЗНЕР

АПТЕКАРЬ ОСВЕНЦИМА

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ВИКТОРА КАПЕЗИУСА

Х ЛОКОСТ · ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Холокост. Правдивая история

Патрисия Познер

**Аптекарь Освенцима. Неизвестная
история Виктора Капезиуса**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Познер П.

Аптекарь Освенцима. Неизвестная история Виктора Капезиуса /
П. Познер — «Издательство АСТ», 2017 — (Холокост. Правдивая
история)

ISBN 978-5-17-133508-3

«Аптекарь Освенцима» – малоизвестная история Виктора Капезиуса, продавца фармацевтической продукции из Румынии, который в возрасте 35 лет вступил в ряды нацистов и в 1943 г. стал главным аптекарем в крупнейшем лагере смерти Освенциме. Частично основываясь на ранее засекреченных документах, Патрисия Познер рассказывает о личности Капезиуса, его бегстве от правосудия и наконец о привлечении его к суду через двадцать лет после окончания войны за многочисленные убийства.

Однако «Аптекарь Освенцима» – это гораздо больше, чем рассказ о Викторе Капезиусе. Это история убийств и жадности, уходящая своими корнями в темное сердце Холокоста. История людей, превратившихся в военных преступников, а также отважных выживших в концлагерях и охотников на нацистов. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111-94

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133508-3

© Познер П., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Введение	6
Предисловие автора	8
Глава 1. «Дядя-аптекарь»	10
Глава 2. Связь с фирмой Farben	13
Глава 3. Объединение «Освенцим»	17
Глава 4. Выход Капезиуса	21
Глава 5. Добро пожаловать в Освенцим	28
Глава 6. Аптека	33
Глава 7. «Знакомство с дьяволом»	40
Глава 8. «Яд Вауег»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Патрисия Познер Аптекарь Освенцима. Неизвестная история Виктора Капезиуса

© Patricia Posner, 2017

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Джесеральду, который вдохновил меня передать с помощью этой
книги страстное убеждение, что преступления Холокоста не должны
быть забыты*

Введение

Мне очень повезло поработать с Симоном Визенталем, охотником за нацистами, с которым я был знаком почти тридцать лет. Потеряв 89 родственников во время Шоа¹, и пережив невероятные издевательства и варварское отношение, Симон всю жизнь (начиная с 5 мая 1945 года, когда американские солдаты спасли его, едва живого, из Маутхаузена) посвятил преследованию убийц своего народа. Он помог поймать более тысячи преступников-нацистов, включая человека, арестовавшего семью Анны Франк.

«Правосудие, не месть» – вот было его кредо.

«Нам нужны осужденные преступники, а не преданные неонацизму мученики», – говорил он нам в своем центре, который основал в 1977 году. Целью всей жизни Визенталем было правосудие; практически в одиночку, без особой поддержки во время холодной войны он хранил память о прошлом и стоял на страже справедливости.

«Каждый суд должен стать прививкой от ненависти, а также предупреждением еще нерожденным поколениям: человек способен на невероятное зло против своих братьев и сестер», – говорил он американским студентам, когда его приглашали читать лекции в 1970–1980-х годах. И он был абсолютно прав. Мы живем в мире, где отрицание холокоста – государственная политика муллагратического режима в Иране, где терминология и символика холокоста извращена и используется ради собственной выгоды экстремистами, ненавидящими еврейское государство; где слова «геноцид» и даже «Освенцим» цинично используются политиками, ведущими и даже учеными. Однако еще хуже инстинктивное желание некоторых смотреть на Шоа 70 лет спустя через призму истории и заявлять, что Освенцим уже не актуален.

Именно поэтому «Аптекарь Освенцима. Неизвестная история Виктора Капезиуса» Патрисии Познер – работа чрезвычайно важная и актуальная. Автор рассматривает жизненный путь Капезиуса, образованного человека, фармацевта, популярного в светских кругах коммивояжера компаний *Farben* и *Bayer*, который общался со многими евреями у себя на родине, в Румынии, до начала Второй мировой войны. А вскоре оказался на одной стороне с Ангелом Смерти, посылал людей, которых давно знал, в том числе еврейских детей-близнецов, на верную смерть в газовые камеры. Оберегал запас «циклона Б» и поставлял нацистам препараты для бесчеловечных экспериментов на детях и беременных. Он же копался в горе трупов евреев, чтобы вытащить все золотые зубы и, одержимый жадностью, тащил тяжеленные чемоданы, набитые золотом тысяч жертв.

Не менее важна, чем история карьеры Капезиуса в Освенциме, реконструкция суда над нацистскими преступниками в Западной Германии в начале 1960-х годов, произведенная Патрисией Познер. Помимо Капезиуса судили главного помощника коменданта Освенцима, врачей, стоматологов и даже капо. В течение всего судебного процесса и после приговора к 9 годам заключения Капезиус и другие ответчики не показали ни капли раскаяния. Пережившие холокост, осмелившиеся выступить свидетелями в немецком суде, были встречены бывшими нацистами с презрением и разочарованием от сознания, что кто-то сумел выжить. Капезиус, обвиненный во лжи, краже и расхищении имущества убитых, всегда отрицал свои преступления, отказывался брать на себя ответственность за содеянное или приносить жертвам извинения. Он считал жертвой себя, хорошего человека, который лишь выполнял приказы: маленькая пешка, которую вообще не надо было сажать.

24 января 1968 года верховный суд Германии разрешил Капезиусу выйти на свободу после того, как он провел в заключении меньше 2,5 лет из назначенных девяти. Первым его появлением на публике стало посещение концерта классической музыки с семьей в Гёппин-

¹ Шоа – катастрофа, бедствие (иврит); используется как замена термину «холокост».

гене. Как только он вошел, зал взорвался аплодисментами. Многие, в том числе освободившие его судьи (бывшие нацисты), считали, что Капезиус заслуживает поддержки и сострадания. Ведь он был обыкновенным немцем, хорошим человеком, который всего лишь исполнял приказы.

Патрисия Познер показывает молодому поколению, что путь, избранный Капезиусом и многими другими, приводит напрямик к вратам ада.

Раввин Авраам Купер

Заместитель декана и со-основатель Центра Симона Визенталя

Лос-Анджелес, Калифорния

Август 2016 года

Предисловие автора

Как-то весной 1986 года я спешила на встречу, которую мой муж, писатель Джеральд Познер, организовал в полинезийском ресторане «Trader Vic's» в нью-йоркском отеле «Плаза». Встреча должна была помочь нам продвинуться в изучении жизни доктора Йозефа Менгеле, печально известного «Ангела смерти», под руководством которого в Освенциме – самом крупном нацистском лагере – проводились бесчеловечные медицинские эксперименты. То, что началось как иск Джеральда *pro bono* в пользу двух выживших подопытных Менгеле, обернулось биографией беглого нациста. Мы ездили в Германию и Южную Америку, распутывали историю в тайных архивах, проникали в круги неонацистов, которые помогали Менгеле оказываться на шаг впереди охотников за нацистами.

Встреча была ни с кем иным, как с Рольфом Менгеле, единственным ребенком того самого доктора. Мы с Джеральдом уселись в слабоосвещенном углу ресторана и принялись ждать 42-летнего Менгеле. Как английская еврейка, я знала, что, если бы мои бабушка с дедушкой не мигрировали из Польши в Великобританию в начале XX века, они, вероятнее всего, погибли бы в концлагерях. Может, они оказались бы в Освенциме, где Менгеле правил балом. Поэтому не удивительно, что наши исследования вокруг Менгеле казались мне каким-то сюрреализмом. Было и крайне неприятное, неоднозначное общение Джеральда в Буэнос-Айресе с Вильфредом фон Офеном, некогда главным помощником нацистского министра пропаганды Йозефа Геббельса, а после войны издателем откровенно антисемитского журнала в Аргентине. И коллекция нацистских «памятных подарков» одного из спонсоров Менгеле, организовавших для него парагвайское гражданство. Но все это казалось слишком далеким теперь, когда мне предстояла встреча с Рольфом Менгеле.

Мы с Джеральдом неоднократно это обсуждали. Ребенок не несет ответственности за грехи родителя. Я знала, что Рольф осуждал все, что его отец делал в Освенциме, и пытался заглазить его вину: он позволил Джеральду использовать дневники и письма отца в будущей биографии. А целью этой нью-йоркской встречи было обсуждение с Рольфом возможности рассказать об отце на телевидении в прямом эфире (так и случилось, они с Джеральдом снялись тем летом в программе Фила Донахью). И хотя разумом я понимала, что мужчина, которого я сейчас увижу, не несет никакой ответственности за леденящие кровь преступления, совершенные в Освенциме человеком с той же фамилией, отцом, меня переполняли смешанные чувства. Джеральд уже общался в Германии с Рольфом несколько недель назад, у них сложились хорошие отношения. Я и сама в этом убедилась.

Мое напряжение улетучилось вскоре после прибытия Рольфа. Казалось, он нервничал не меньше моего, и это как-то помогло нам обоим справиться с волнением. На меня произвело впечатление его искреннее осуждение преступлений отца. И вскоре я поняла, что зверства Менгеле стали тяжким бременем для его сына и что он не понимает, не принимает это наследие и любой ценой хочет оградить от него своих детей.

В какой-то момент, обсуждая бегство его отца от правосудия, мы заговорили о месяцах хаоса после окончания войны в мае 1945 года. Менгеле еще был в Европе и скрывался от американской и британской армий. Оказалось, ему невероятно повезло. На меня произвело неизгладимое впечатление, что в сентябре 1945 года, через восемь месяцев после исчезновения из Освенцима, когда ему удалось буквально ускользнуть от наступавшей Советской Армии, Менгеле объявился в Мюнхене в доме некоего аптекаря. Они вместе служили на Русском фронте в 1942 году, прежде чем Менгеле перевели в Освенцим. Но, как сказал Рольф, мюнхенский аптекарь знал о преступлениях его отца, потому что у них был общий знакомый, работавший в том же лагере смерти: аптекарь Виктор Капезиус.

– Капезиус, – сказал Рольф, – это аптекарь Освенцима. Мой отец дружил с ним.

Помню этот момент, как если бы это было вчера. Я сразу подумала: «В Освенциме был свой аптекарь?».

Много лет, работая над собственными книгами и общими с Джеральдом, я надеялась, что когда-нибудь смогу написать и о Капезиусе. Это желание со временем только росло, и в какой-то момент я осознала, что судьба Капезиуса, его роль в Освенциме, как и крупнейших немецких фармацевтических компаний, остается нераскрытой, затерянной среди множества историй рядовых нацистов. Годами собирая материал, я обнаружила потрясающую картину извращенной медицины и жадности. Те несколько слов, брошенные 31 год назад Рольфом Менгеле, заронили зерно, которое наконец проросло. Перед вами странная, жуткая, а порой и граничащая с безумием история аптекаря Освенцима.

Глава 1. «Дядя-аптекарь»

Май 1944 года. Освенцим, нацистский храм индустрии геноцида, работает в полную силу. Истребление европейского еврейства в бешеном разгаре, Третий рейх отправляет в газовые камеры Освенцима 800 тыс. венгерских евреев. Но место, ставшее синонимом массового убийства, не справлялось с огромным количеством новых жертв. В этот хаос прибыли доктор из Румынии Маврикий Бернер, его жена и дети. Бернеры и еще восемьдесят евреев, их соседей из Трансильвании, присоединенной к Венгрии, приехали в лагерь незадолго до восхода солнца, проведя три дня в битком набитом вагоне для скота.

– Снаружи сняли замки и цепи, и двери открылись, – вспоминал Бернер годы спустя. – Вокруг были горы чемоданов, тысячи чемоданов в полном беспорядке.

Фаланга эсэсовцев с лающими немецкими овчарками создавала сюрреалистичный силуэт в свете ослепляющих прожекторов.

– Я не понимал, где мы находимся, что произошло, и почему нас окружает такая разруха. Впереди между парой железнодорожных путей, в нескольких сотнях метров мы увидели две заводские трубы, из которых вырывалось пламя, огромные столбы пламени... Сначала мы подумали, что здесь недавно была бомбежка..., а эти гигантские столбы огня, поднимающиеся из труб, наводили на мысль, что мы оказались на металлургическом заводе, или у ворот в преисподнюю Данте.

Несмотря на то, что ему самому было страшно, доктор Бернер попытался успокоить жену и детей.

– Главное, что мы вместе..., и мы ни за что не позволим им нас разлучить.

Тут же к ним подошел эсэсовец.

– Мужчины идут направо, женщины – налево.

– Всего за секунду меня оторвали от жены и детей, – рассказывал Бернер. – Они шли параллельно, на расстоянии нескольких шагов.

– Любимый, иди сюда, поцелуй нас! – крикнула его жена.

– Я бросился к ним. Со слезами на глазах поцеловал жену и детей. У меня стоял ком в горле. Я посмотрел в глаза жены, огромные, печальные, красивые, наполненные страхом смерти. Дети молча смотрели вперед и шли за матерью. Они не понимали, что происходит.

Солдат подтолкнул Бернера обратно к другим мужчинам. Через несколько минут раздался приказ:

– Все доктора, сюда!

Бернер присоединился к небольшой группе, собравшейся у пары грузовиков Красного креста. Оттуда увидел ухоженного капитана СС в белых перчатках, который стоял перед тысячами новичков, растянувшихся на четверть мили вдоль рельсов. Как только подходил новый человек, эсэсовец указывал большим пальцем направо или налево, снова разделяя людей. Позже Бернер узнал, что это был Йозеф Менгеле и группу «слева» немедленно отправляли на смерть².

² Показания Маврикия Бернера на процессе Роберта Мулки, 4 Ks 2/63, Районный суд Франкфурта-на-Майне, показания даны 17 августа 1964 года. См. также показания Маврикия Бернера в документальном фильме «Verdict on Auschwitz: The Frankfurt Auschwitz Trial 1963–1965», Rolf Bickell, Dietrich Wagner, First Run Films, 1993. До 1965 года немецкие суды не делали ежедневных расшифровок заседаний, как американские и британские суды. В некоторых случаях цитируются показания, приведенные в газетах-современниках, и взятые напрямую из аудиозаписей самих показаний. Также показания свидетелей и обвиняемых, полученные прокурорами до суда, добавляются позже для дополнения информации в суде. Для общего обзора показаний свидетелей и очевидцев вроде Бернера, см. Rebecca E. Wittmann. Telling The Story: Survivor Testimony And The Narration Of The Frankfurt Auschwitz Trial, Fritz Stern Dissertation Prize Presentation, November 15, 2002, Marquette University Marquette. См. также письмо Освенцимскому комитету Пауля Гофмана (Берлин), 22 ноября 1950 года, Билефельд. StA b. LG Osnabrück, 4 Ks 2/52, Hauptakten, Vol. II, p. 17R. Аудиозаписи показаний свидетелей, 4Ks 2/63. «Strafsache gegen Mulka...» (Дело против

Неподалеку от Менгеле, спиной к Бернеру, стоял другой эсэсовец, невысокий коренастый мужчина. Он давал указания пленникам после распределения Менгеле. В какой-то момент эсэсовец развернулся. Бернер был поражен, он потряс головой и протер глаза, чтобы убедиться, что не ошибся. Этим эсэсовцем был никто иной, как Виктор Капезиус, аптекарь из родного города Бернера.

В 1930-е годы Капезиус был довольно популярным торговым представителем фирмы *I. G. Farben*, огромного химического и индустриального конгломерата. Он продавал медикаменты компании *Bayer*, дочернего предприятия *Farben*³.

– Когда началась война, я потерял Капезиуса из вида, – вспоминал Бернер. – Но когда мою семью привезли в Освенцим, кто же там был? Тот самый доктор Капезиус⁴.

Бернер подобрался через толпу поближе к Капезиусу, чтобы тот мог его услышать. Слова стремительно вылетели из него:

– Вы меня помните?!

Он стал умолять Капезиуса вернуть его к жене и детям, 12-летней дочке и 9-летним близнецам.

– Близнецы? – Капезиус, казалось, заинтересовался.

Капезиус и другой эсэсовский врач, доктор Фритц Кляйн, нашли в толпе жену и дочек Бернера. Они отвели всю семью к Менгеле, внимание которого было сосредоточено на длинной очереди новых заключенных. Кляйн рассказал Менгеле о близняшках.

Близнецы представляли для Менгеле особый интерес: он был одержим идеей экспериментов над этими детьми. Но, поскольку Рейх начал терпеть поражения, Менгеле понимал, что больше не мог сохранять для себя все пары близнецов.

– Они близнецы или двойняшки? – спросил он.

– Двойняшки, – ответил Кляйн.

– Потом, – отмахнулся Менгеле. – Сейчас у меня нет времени.

– Они пока вернутся к своей группе, – сказал Капезиус рыдающему Бернеру. – Не надо плакать. Они просто сходят в душ и всё. Вы увидите уже через час⁵.

Бернера отправили в трудовой лагерь при Освенциме. Только после окончания войны он узнал, что его семья погибла в газовой камере меньше, чем через час после прибытия.

В тот же день Капезиуса узнали еще двое. Доктор Гизела Бём, педиатр, и ее 19-летняя дочь Элла прибыли тем же поездом, что и Бернер. Элла успокаивала дочек Бернера всю ужасную поездку. Обе были поражены, увидев Капезиуса на станции. Доктор Бём знала его с тех дней, когда он работал коммивояжером *Bayer*. Он держал аптеку в ее родном городе Шессбурге и сотрудничал с ее мужем, тоже врачом. Как-то раз он даже показал им рекламный фильм *Bayer*⁶. У Эллы были теплые воспоминания о Капезиусе: с тех самых пор, как ей было 12 и отец представил «дядю-аптекаря», а тот подарил ей тетрадь фирмы *Beyer*.

– Я очень гордилась этой тетрадью, – вспоминала она годы спустя. – И всем хвасталась в школе⁷.

Мулки и других), Гессенский государственный архив, Висбаден, Германия.

³ Бернер цитируется в репортаже: «Doctor Testifies Man He Aided Killed Family», *The Fresno Bee Republican* (Fresno, CA) August 18, 1964, 31. См. также: показания Маврикия Бернера, Mulka et al., 4 Ks 2/63, Районный суд Франкфурта-на-Майне, 17 августа 1964 года.

⁴ Показания Маврикия Бернера, 4Ks 2/63, Гессенский государственный архив. Также «Verdict on Auschwitz: The Frankfurt Auschwitz Trial 1963–1965». Также Бернер цитируется в: «Doctor Testifies Man He Aided Killed Family», *The Fresno Bee Republican*, 31.

⁵ Показания доктора Гизелы Бём в: Bernd Naumann (translated by Jean Steinberg), *Auschwitz: A Report on the Proceedings Against Robert Karl Ludwig Mulka and Others Before the Court at Frankfurt* (New York: Frederick A. Praeger, 1966), 305; 4Ks 2/63, Гессенский государственный архив.

⁶ Показания Эллы Саломон (урожд. Бём), 4Ks 2/63, Гессенский государственный архив, см. Naumann *Auschwitz*, 304–330.

⁷ Показания Эллы Саломон (урожд. Бём), Mulka et al., 4 Ks 2/63, Районный суд Франкфурта-на-Майне, Court, 19 ноября

Иногда Капезиус составлял компанию ее семье в общественном бассейне. Элла вспоминала, что он всегда был «мил» с ней. Когда девушка увидела его, сразу подумала, что он поможет им с мамой отделиться от тысяч людей, прибывших с ними. Но ей не удалось привлечь его внимание.

– Что он здесь делает? – не понимала она. – Что аптекарь делает в этом жалком месте?

Глава 2. Связь с фирмой *Farben*

На вопрос Эллы не было простого ответа. Чтобы понять, что аптекарь вроде Капезиуса делал в Освенциме, надо знать, историю самого лагеря, каким образом появился этот прибыльный центр медицинских исследований, рабского труда и истребления, смертоносное порождение военно-промышленно-политического партнерства между нацистами и *I. G. Farben*, самой крупной немецкой компанией. В случае Капезиуса это не просто шаг к пониманию жуткой истории (и предыстории) Освенцима. До войны Капезиус работал на *Farben* и их дочернюю компанию – *Bayer*. Эта связь ставила его в более высокое положение, нежели других нацистов, служивших с ним в лагере.

Компания *I. G. Farben* (синдикат) была основана в 1925 году, всего за восемь лет до того, как Гитлер занял пост канцлера Германии. Шесть ведущих химических и фармацевтических компаний объединились в огромный конгломерат; в их числе были крупнейшие мировые производители искусственных красителей: *Bayer*, *Hoechst*, *BASF* и *Agfa*⁸. За 14 лет – от создания синдиката до начала Второй мировой войны – *Farben* установила рекорд, получив четыре Нобелевских премии в химии и медицине. Ей принадлежали инновационные патенты на самое передовое производство искусственного сырья, включая каучук и синтетическое топливо, на лекарственные препараты против сифилиса и малярии, патенты на морфий и новокаин, а также эксклюзивные права на аспирин в качестве анальгетика. Также предметом гордости *Farben* были передовые исследования тысяч разнообразных продуктов от искусственного подсластителя сахара до отравляющих газов и ракетного топлива. Штат компании составлял четверть миллиона, ее сотрудники получали более высокие зарплаты и считались более квалифицированными, чем в конкурирующих компаниях. Благодаря сложной сети партнеров и дочерних предприятий, *Farben* превратилась в крупнейшую химическую корпорацию в мире и четвертый крупнейший индустриальный конгломерат вслед за *General Motors*, *U.S. Steel*, и *Standard Oil*. Это была самая прибыльная фирма Германии⁹.

Еще до прихода к власти, Гитлер разделял популярное в Германии твердое убеждение: страна потерпела поражение в Первой мировой войне по большей части из-за нехватки природных ресурсов для продолжительной борьбы. Жизненно важные отрасли промышленности оказались парализованы во время Первой мировой войны, потому что британская морская блокада перекрыла поставки сырья и лишила Германию каучука, топлива, стали, нитратов. Это привело к постоянной нехватке всего, от пороха до топлива, и Германия «хромала» на поле боя. В итоге нехватка ресурсов и охвативший страну голод сломили дух немцев, и они потерпели поражение¹⁰.

Гитлер, ветеран Первой мировой войны, был убежден, что его страна должна быть самостоятельной и полагаться на собственную армию. Технологии *Farben* дали Гитлеру уникальную возможность восстановить Германию, не надеясь на поставки топлива, резины, нитратов из других стран. Но союз юного правого националиста и компании-монолита не сразу задался. Причина была в том, что многие из лучших ученых *Farben* и треть ее директоров были евреями. И начались шизофренические брачные танцы между *Farben* и Третьим рейхом. Нацистская литература и сами нацисты провозгласили *Farben* «инструментом интернационального денежного капитала», что на самом деле означало еврейский заговор: дескать, кучка евреев контро-

⁸ *Agfa* расшифровывалась как *Actien-Gesellschaft für Anilin-Fabrication*, то есть «компания по производству анилина», а *BASF* – как *Badische Anilin und Soda Fabrik*, то есть «Баденский анилиновый и содовый завод».

⁹ См. Joseph Borkin, *The Crime and Punishment of I. G. Farben*, New York: The Free Press, 1978, 6–7.

¹⁰ «Elimination of German Resources for War,» Hearings before a Subcommittee of the Committee on Military Affairs, United States Senate, 79th Congress, 1st Session, Part X, 1945.

лирует мировые финансовые рынки и промышленность и манипулирует ими. Иногда *Farben* с издевкой называли I.G. Молохом, по имени ханаанского божества, которому приносили в жертву детей. Это делалось, чтобы возродить древний пасквиль, согласно которому евреи убивали христианских детей и использовали их кровь для проведения ритуалов. Едкий антисемитский еженедельник *Der Stürmer* печатал карикатуры с изображением «Isidore G. Farber», оскорбительные изображения, нечто среднее между Шейлоком и проституткой¹¹.

Самым резким нападениям подвергались фармацевтические подразделения *Farben*, где использовали лабораторных животных для тестирования медицинских препаратов. Лидеры нацистов, как ни странно, всем сердцем боролись за права животных, Гитлер был вегетарианцем и надеялся когда-нибудь закрыть все скотобойни в Германии. Нацисты даже выпускали законы, которые защищали диких животных от охотников, запрещали использование животных в цирках и фильмах, и запрещали работать кошерным мясникам. Германия стала первой страной, запретившей вивисекцию. Лабораторные эксперименты над животными карались ссылкой в концлагерь, а в некоторых случаях и смертной казнью. Один из главных ученых компании, Генрих Хёрляйн, противостоял этому, утверждая, что эксперименты на животных необходимы, чтобы ученые могли убедиться в безопасности медикаментов, которые должны спасать людям жизни. Нацисты посчитали, что подобные высказывания только подтверждали, что *Farben* была «интернациональной еврейской организацией»¹².

Возглавляющий компанию химик, лауреат Нобелевской премии Карл Бош очень не любил Гитлера. Бош считал нацистов политическими бандитами, которым нет никакого дела до научных исследований, а они составляли суть *Farben*. Но Гитлер пришел к власти, и Бош понял, что компания из гонимого аутсайдера превратится в незаменимого партнера¹³. Поэтому он открыл казну концерна и стал главным спонсором нацистской партии на выборах 1933 года, на которых Гитлер собрал 6 млн голосов и утвердился на посту канцлера¹⁴. Также Бош назначил пресс-секретарем компании человека, который хвастался серьезными связями с нацистами, чтобы показать всем в Берлине, что управлением компанией в основном занимались «христиане, которые всего добились сами»¹⁵.

Тем временем Гитлер заинтересовался патентами *Farben* на синтетическое топливо. На встрече с двумя старшими руководителями фюрер сказал вещь, которая очень их удивила: что *Farben* находилась в центре его плана по восстановлению независимости¹⁶. Когда Бош и Гитлер встретились на съезде в конце 1933 года, они сразу нашли общий язык, поскольку оба были одержимы идеей весьма дорогостоящей ускоренной топливной независимости Германии. Но встреча их кончилась на прохладной ноте после того, как Бош высказал озабоченность активным исключением нацистами евреев из научного процесса. Он говорил прямо: если изгнать из Германии еврейских ученых, страна будет отставать в химии и физике от всего мира на 100 лет. Эти слова повергли Гитлера в ярость.

– Тогда поработаем 100 лет без химии и физики! – крикнул он.

Это подпортило их отношения. В том же году нацисты приняли Закон о чрезвычайных полномочиях, который наделил Гитлера властью запретить евреям занятия наукой и технологиями, преподавание в университетах, гражданскую и государственную службу. Несмотря на то, что коллеги всячески его отговаривали, Бош продолжал бороться за еврейских ученых. Не

¹¹ Borkin, *The Crime and Punishment of I. G. Farben*, 54, 57–58.

¹² Morris Goran, *The Story of Fritz Haber*, 39.

¹³ См. Peter Hayes, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era*.

¹⁴ Jeffreys, *Hell's Cartel: IG Farben and the Making of Hitler's War Machine*, Kindle Edition, 170, 172.

¹⁵ Письмо Генриха Гаттино, I. G. Farben, доктору Карлу Хаусхофферу, 6 июня 1931 года, *World War II Crimes and Prosecutions*, U.S. National Archives.

¹⁶ Показания Генриха Гаттино, *World War II Crimes and Prosecutions: Nuremberg Industrialists*, 4833, 1–2, U.S. National Archive.

удивительно, что впоследствии Гитлер отказывался даже находиться с ним в одном помещении¹⁷.

Нацисты «разоружили» компанию, и без того не обладающую особым влиянием, но Гитлер и его сторонники знали, что им пригодятся знания и сила *Farben*. Поэтому в 1937 году они сделали ее удобной Третьему рейху, то есть «нацифицировали». Роберт Лей, химик *Bayer* и нацист, занял пост министра Германского трудового фронта. Всех еврейских чиновников уволили. Третью наблюдательного совета директоров силой вывели из штаба и запретили любые контакты с фирмой. Ведущие еврейские ученые из исследовательских подразделений были отстранены и оперативно заменены¹⁸. К тому моменту, как всех евреев отстранили от высоких должностей в *Farben*, Карл Бош занимал пост почетного председателя фирмы и не имел особого влияния; он скончался три года спустя (от последствий ядовитой смеси алкоголизма и депрессии), но перед смертью успел сказать врачам, что Гитлер приведет Германию к разрухе.

К июлю 1938 года, когда Третий рейх провозгласил, что наличие даже единственного еврея в совете директоров делало фирму «еврейской компанией», напряжение и враждебные отношения нацистов и *Farben* канули в лету. Многие высокопоставленные сотрудники компании вступили в нацистскую партию, а некоторые и вовсе присоединились к СС. *Farben* была благополучно сертифицирована как чисто немецкая компания, которая полностью соответствует всем расистским законам¹⁹. Чтобы показать, насколько серьезно корпорация намеревалась стать полностью арийской, *Farben* уволила 107 руководителей департаментов, которые работали в международных офисах за пределами Германии²⁰. Американский филиал превратили в один из самых надежных источников шпионских сведений для нацистов. «Продавцы» компаний по производству фотопленки *Agfa*, *AnSCO* и *General Aniline* в составе *Farben* добывали все: от фотографий секретных военных объектов до копий секретных военных стратегических планов²¹.

Аннексия Австрии в марте 1938 года стала первым свидетельством расцвета сотрудничества *Farben* и Третьего рейха. В течение нескольких недель *Farben* поглотила *Skodawerke-Wetzler*, крупнейшую австрийскую химическую компанию, ее контрольным пакетом владела еще более богатая семья банкиров Ротшильдов. *Farben* приводили в компанию арийских техников и менеджеров, удаляя евреев (Исадор Поллак, главный менеджер *Skoda*, был забит до смерти нацистскими штурмовиками)²².

Поглощение австрийской фирмы компанией *Farben* стало шаблоном, который применялся впоследствии в других странах-жертвах гитлеровской агрессии. В 1938 году, во время конфликта Германии и Чехословакии, *Farben* воспользовалась угрозой нацистского вторжения, чтобы купить *Aussiger Verein*, крупнейшую химическую компанию Чехословакии за гроши. К тому моменту, как нацисты начали блицкригом продвигаться в Польшу (1 сентября 1939 года), *Farben* продолжала клясться в верности Третьему рейху, чтобы заполучить максимум военных трофеев. До войны командир люфтваффе (воздушных войск) Герман Геринг был самым главным покровителем *Farben*. Когда нацисты захватили Польшу, *Farben* стала держаться поближе к руководителю СС Генриху Гиммлеру, которому принадлежала полная власть

¹⁷ См. Goran, The Story of Fritz Haber, 38–39.

¹⁸ См. DuBois, The Devil's Chemist: 24 Conspirators of the International Farben Cartel Who Manufacture Wars, 264–269.

¹⁹ Таблица сотрудников *I.G.* и офицеров и членов национал-социалистических организаций, World War II Crimes and Prosecutions: Nuremberg Industrialists, 12,042, и таблица руководителей *I. G. Farben*, World War II Crimes and Prosecutions: Nuremberg Industrialists, 7957, U.S. National Archives.

²⁰ Jeffreys, Hell's Cartel, 229.

²¹ Higham, Trading with the Enemy, 133.

²² Для дополнительной информации о *Skodawerke* см. DuBois, Jr., The Devil's Chemist, 219–221; Raul Hilberg, The Destruction of the European Jews (Chicago: Quadrangle Books, 1961), 61.

над местными компаниями и собственностью. Таким образом в распоряжении корпорации оказались три главных химических и красильные производства Польши²³.

К июню 1940 года нацисты подчинили себе Бельгию, Данию, Норвегию, Нидерланды, Люксембург, и в результате сокрушительного шестинедельного наступления поставили на колени Францию. Многие топ-менеджеры *Farben* прекрасно помнили, как французы взыскали после Первой мировой войны колоссальные репарации с немецкой промышленности. Более того, французская химическая индустрия уже давно была главным соперником немецкой. Французские фирмы сразу прошли «ариизацию», и *Farben* через новую холдинговую компанию завладела ценной французской химической индустрией²⁴.

Амбиции *Farben* прирастали вместе с военными победами Германии. Директора рисовали планы дележа химической промышленности не только оккупированных стран, но и будущих завоеваний нейтральной Швейцарии, затем союзников Германии – Италии и Советского Союза, а впоследствии и Британии с США. К этому времени компания поставляла 85 % военной продукции для нацистов²⁵.

Падение Франции ознаменовало пик успеха немецкой армии. Однако, хотя нацисты и нанесли мощный удар по Британии с воздуха, англичане не собирались сдаваться. Гитлер проигнорировал советы ведущих генералов и начал подготовку к выходу на второй фронт на востоке – захвату России. Командиры нацистов знали, что первый год войны поглотит невероятные количества топлива и оружия. Даже резины, которая была нужна для всего – от шин до солдатских сапог – не хватало, а война на два фронта сильно ударит по оставшимся ресурсам. Гитлер потребовал от *Farben* гарантии, что она может удвоить производство каучука и топлива, и настоял на необходимости строительства двух новых мегапредприятий. *Farben* отправила две команды на поиски подходящего места, одну на юг Норвегии, другую – на запад Польши. Обе страны находились во власти Германии.

Отто Амброс, 39-летний химик и эксперт *Farben* по синтетическому каучуку, руководил строительством первой фабрики по производству резины в Шкопау на востоке Германии. Посетив Польшу, Амброс вернулся в штаб-квартиру во Франкфурте и сообщил, что нашел идеальную точку для построения обоих производств. Точка находилась в польской Силезии, неподалеку от стечения трех рек. Производство резины и топлива требовало огромного количества воды для химии высоких давлений, на которой основывались обе промышленные технологии. Регион окружали три железных дороги. В радиусе 32 км находились автомагистраль и крупные горные районы. Другим плюсом, по мнению Амброса, была близость бывшей кавалерийской воинской части, которую нацисты перестраивали в концлагерь. Это означало, что *Farben* сможет бесплатно использовать труд заключенных²⁶.

Коллеги Амброса одобрили выбранное место, после чего его согласовал Третий рейх. *Farben* решила использовать название небольшой польской деревушки неподалеку от расположения нового корпоративного дивизиона: I.G. Освенцим²⁷.

²³ Borkin, *The Crime and Punishment of I. G. Farben*, 98; см. также DuBois, *The Devil's Chemist*, 113–115.

²⁴ «The Francolor Case in France,» *Trials of the War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals, Under Council 10, Vol. VIII, Section D*; see also «Elimination of German Resources for War,» *Hearings before a Subcommittee of the Committee on Military Affairs, United States Senate, 79th Congress, 1st Session, Part X*, p. 1387, 1945; см. также DuBois, *The Devil's Chemist*, 287–298.

²⁵ Higham, *Trading with the Enemy*, 133.

²⁶ DuBois, *The Devil's Chemist*, 143–147.

²⁷ Поляки называли его «Освенцим», немцы – «Аушвиц» (Jeffreys, *Hell's Cartel*, Kindle Edition, 281. Заметки с конференции, организованной Амбросом, тер Меером и Краухом, 6 февраля 1941 года, *Trials of the War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals, Under Council 10, Vol. VIII*, p. 349–51 (Washington DC: U.S. Government Printing Office); см. также письмо доктора Отто Амброса Фрицу тер Мееру, директору *I. G. Farben*, насчет помощи СС в строительстве лагеря *Farben* в Освенциме, 1941 год, приводится в: Telford Taylor, *Sword and Swastika: Generals and the Nazis in the Third Reich* (Chicago, IL: Quadrangle Books, 1969).

Глава 3. Объединение «Освенцим»

Компания *Farben* возлагала огромные надежды на I.G. Освенцим. Он должен был стать не только крупнейшим комплексом компании, но и первым, включающим колоссальный гидрогенизационный завод, производящий рекордное количество каучука и топлива. Компания ожидала, что Освенцим станет источником огромной прибыли и настолько была уверена в новом предприятии, что отказалась от финансовой поддержки государства. Прими она деньги Третьего рейха, нацисты автоматически стали бы партнером фирмы. Но директора хотели оставить всю прибыль себе.

Farben отложил на постройку амбициозного проекта миллиард рейхсмарок (в 2015 году это было бы примерно 55 млрд долларов)²⁸. Проект требовал, чтобы учреждение охватывало несколько квадратных километров, соответственно, ему будут нужны большие объемы электроэнергии: больше, чем нужно Берлину. Глава СС Генрих Гиммлер считал успех Освенцима настолько важным, что назначил свое доверенное лицо, майора СС генерала Карла Вольфа посредником между СС и *Farben*.

Вольф встретился с химиком и директором *Farben*, оберст-лейтенантом СС Генрихом Бютефишем 20 марта 1941 года в Берлине. Они хотели обсудить, как концлагеря, расположенные рядом с Освенцимом могут быть полезными для компании. Многие опытные рабочие находились на фронте, поэтому корпорация остро ощущала нехватку рук. В ее планы входило задействовать не только немцев, но и тех, кого уклончиво называли «бесплатными работниками» – из Голландии, Бельгии, Франции, Польши, которым платили ничтожную фракцию должной зарплаты. Гиммлер приказал инспектору концентрационных лагерей поставлять оттуда до 12 тыс. рабочих. Поскольку лагеря вроде Освенцима служили источником прибыли для СС, Бютефиш знал, что Гиммлер будет настаивать на компенсации любых использованных *Farben* заключенных.

После нескольких часов напряженных переговоров, *Farben* согласилась платить 4 рейхсмарки в день (тогда – около 1,6 долларов, в 2015 году – 20 долларов) квалифицированным заключенным за работу, 3 – неквалифицированным, и 1,5 (60 центов) – детям. За эти деньги, сумма которых в итоге достигла 5 млн долларов, СС согласились предоставить транспортное средство из бараков Освенцима и обратно (путь занимал около 6,4 км), а также пропитание²⁹. Через несколько недель после соглашения директора *Farben* провели для Гиммлера экскурсию по стройке Освенцима. Гиммлер был впечатлен и пообещал большой поток заключенных в качестве рабочих³⁰. Отто Амброс написал в меморандуме: «Наша новая дружба с СС обещает быть весьма благоприятной»³¹.

Farben знала, что масштабность проекта послужит источником многих технических проблем, и что из-за военных действий будет сложно раздобыть сырье. Строительство не задалось с самого начала, и фирма порядочно отстала от плана³². Однако у проекта возникла еще одна проблема: *Farben* не ожидала столкнуться с ужасными последствиями жестоких наказаний, которым СС подвергали заключенных.

²⁸ Кафедра истории Калифорнийского университета Санта-Барбары приводит таблицу «Historical Dollar-to-Marks Currency Conversion» по ссылке: <http://www.history.ucsb.edu/faculty/marcuse/projects/currency.htm#tablesB> последний раз рейхсмарку и американский доллар можно было сопоставить в 1941 году, одному доллару равнялось 2,5 рейхсмарки.

²⁹ DuBois, *The Devil's Chemist*, 219; см. Jeffreys, *Hell's Cartel*, Kindle Edition, 4591 of 9525.

³⁰ Benjamin B. Ferencz, *Less Than Slaves: Jewish Forced Labor and the Quest for Compensation* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979), 9–10.

³¹ Амброс тер Меепу, приводится в DuBois, *The Devil's Chemist*, 172.

³² См. Jeffreys, *Hell's Cartel*, Kindle Edition, 4638–4654 of 9525.

Внутренние меморандумы компании включали свидетельства о безжалостном издевательстве над рабочими: их «жестоко хлестали на стройке» и иногда пинали и избивали, даже до смерти. Один из директоров отметил: «[Избиения] всегда применяются к слабейшим заключенным, которые и правда не могут работать усерднее»³³. Это не только не позволяло обессиленным трудиться, но в целом оказало «деморализующий эффект на свободных работников и на немцев»³⁴. Более того, ежедневные походы из Освенцима настолько истощали пленных, что они едва ли могли приступить к работе. Они, снабженные лишь неподходящими по размеру деревянными башмаками и тонкой тюремной одеждой, страдали и от ужасной жары летом и от пробирающего до костей холода зимой. Менеджеры тревожно наблюдали, как три, затем четыре, и наконец пять истощенных пленников пытались поднять 50-килограммовый мешок с цементом³⁵. Руководители в тайне жаловались друг другу, что СС совершенно не понимали, что надо делать, чтобы «бесплатное предприятие» процветало.

Но помешанные на бюрократизме нацисты требовали от каждого работника, ушедшего из главного лагеря после переклички в четыре утра, в обязательном порядке являться и на вечернюю. В результате возникали безумные сюрреалистичные сцены: после каждого рабочего дня заключенные тащили за собой трупы умерших во время смены товарищей, чтобы нацисты могли посчитать их тела в качестве «присутствующих». Потом, несколько раз в неделю, нацисты увозили гору трупов на телеге в крематорий. Целью этого странного ритуала была прибыль: СС зарабатывали на каждом мертвом теле, извлекая золото из зубных протезов, используя волосы для наполнения матрасов и вязания теплых носков для экипажей подводных лодок и пилотов люфтваффе³⁶. Избавление от трупов на предприятии *Farben* лишило бы эсэсовцев возможности их использовать.

Руководители *Farben* переживали из-за бесчеловечных условий, в которые были помещены заключенные, не от большой любви к людям, а из-за замедленного процесса: работу, которую мог выполнить один хорошо накормленный немец, теперь должны были выполнять трое заключенных. Это привело к пламенным спорам насчет того, как ускорить стройку, которая, казалось, и вовсе застыла. Управляющие боялись, что, если нефтеперерабатывающие заводы и каучук не смогут полностью снабжать армию Гитлера, эсэсовцы повесят вину на компанию. Никому, в том числе руководителям незаменимых военных проектов, не хотелось навлечь на себя гнев Гитлера и Гиммлера. Поэтому в июле 1942 года, когда напряженная борьба на западном фронте шла уже год, руководители *Farben* одобрили невероятное предложение, ознаменовавшее полный моральный крах; лучшим решением проблемы I.G. Освенцима признали постройку концлагеря прямо там же, за 20 млн долларов. Выбранное место находилось недалеко от стройки и восточнее от изначального Освенцима. Эрнст «Фриц» Заукель, министр труда Третьего рейха, одобрил предложение *Farben*, заключив, что это будет лучшим способом «использовать [заключенных] по максимуму при минимальных возможных затратах».

Новый лагерь называли «Моновиц Буна-Верке», объединив слова «Моновиц», название польской деревни, уничтоженной для постройки лагеря, и «Буна», резина по-немецки. Постоянный доступ к рабскому труду со временем воодушевит *Farben* и другие немецкие компании построить 45 дочерних лагерей для добычи угля, обработки металла и химикатов, легкой промышленности, и даже переработки пищи³⁷.

³³ Ferencz, *Less Than Slaves*, 15.

³⁴ Приводится в: Jeffreys, *Hell's Cartel*, 293.

³⁵ DuBois, *The Devil's Chemist*, 179.

³⁶ Jeffreys, *Hell's Cartel*, Kindle Edition, 4898 of 9525.

³⁷ Alberto L. Zuppi, «Slave Labor in Nuremberg's I. G. Farben Case: e Lonely Voice of Paul M. Hebert,» *Louisiana Law Review*, Volume 66, Number 2, Winter 2006, 509, n. 57; Yisrael Gutman and Michael Berenbaum, *Anatomy of the Auschwitz Death Camp* (Bloomington, IN: Indiana University Press, 1998), 17–18.

Для любого простого наблюдателя Моновиц ничем не отличался от Освенцима: лагерь, окруженный колючей проволокой, смотровые башни, надзиратели с ружьями наперевес, патрульные собаки, прожекторы, работающие даже ночью, чтобы никто не мог сбежать. В Моновице была собственная виселица, жуткие одиночные камеры, фаланга бывших заключенных, садистов, заправляющих рабами³⁸. Также там был бордель (нем. *Frauenblock*), в котором пленных женщин заставляли оказывать немцам сексуальные услуги. *Farben* даже сделали копию издевательского железного знака на воротах Освенцима, гласящего «*Arbacht macht frei*» – «труд освобождает» (слова взяты из «Ада» Данте).

Потратив миллионы на строительство лагеря, *Farben* согласилась покрыть стоимость еды и проживания рабочих, а СС взяли на себя ответственность за безопасность. Компания сделала все возможное, чтобы поднять прибыль и уменьшить расход. Некоторых (обычно трех) заключенных заставляли ночевать на деревянных штабелях, рассчитанных только на одного. В бараке жило в пять раз больше евреев, чем свободных немцев в бараке такого же размера³⁹. Тонкая набивка постелей из соломы была источником постоянных болезней⁴⁰. Компания неустанно экспериментировала, чтобы определить минимальное количество еды, с которым заключенные не будут умирать с голоду, и все еще смогут работать. Рацион в Моновице состоял из водянистого супа, который пленные называли Буной, потому что после приема пищи во рту оставался резиновый привкус. Средний рабочий, существующий максимум на 1200 ккал в день, худел на 4 кг каждую неделю, в конце концов истощался настолько, что больше походил на обтянутый кожей скелет⁴¹.

Меморандумы *Farben* показывают, что руководители быстро догадались: любого умершего работника можно запросто заменить новым заключенным, привезенным следующим поездом. Бенджамин Ференц, американский следователь военных преступлений Второй мировой войны, отметил, что «евреи в концлагерях были даже не рабами. Хозяева рабов относились к собственности чуть лучше и стремились ее сохранить, а план нацистов заключался в использовании и дальнейшем истреблении евреев»⁴².

Farben столкнулась со следующей проблемой: большую часть пленников эсэсовцы отправляли напрямую в газовые камеры. Руководители жаловались, например, что из 5022 привезенных евреев 4092 были сразу же убиты. После официальной жалобы эсэсовцы согласились разгружать некоторые поезда у Освенцима, чтобы выбирать рабочих из числа привезенных. Первый поезд доставил в Моновиц 4087 заключенных, половина избежала газовых камер и была превращена в рабов. Тем не менее, менеджеры *Farben* были разочарованы, что поезд привез «так много женщин, детей и старых евреев»⁴³.

Несмотря на нестандартные препятствия, исполнительные директора сделали Моновиц моделью для будущих проектов. Председатель Карл Краух написал Гиммлеру 27 июля 1943 года, что «был счастлив» узнать, что в дискуссии о создании нового завода по производству синтетической резины СС «продолжит поддерживать нас <...> как в Освенциме»⁴⁴.

За все время существования, через Освенцим прошли 300 тыс. порабощенных пленников. Там подростками работали Эли Визель и Примо Леви (оба выжили и стали известными писателями, рассказав миру о том, что с ними произошло). Леви писал, что фабрика *Farben* была «железом, бетоном, грязью и дымом, антиподом красоты <...> Среди этого не вырастет

³⁸ Jefferys, *Hell's Cartel*, Kindle Edition, 4928 of 9525.

³⁹ Ferencz, *Less Than Slaves*, 24–25.

⁴⁰ DuBois, *The Devil's Chemist*, 223.

⁴¹ Когда дело касалось пропитания, условия для евреев были, как правило, хуже, чем для других заключенных; см. DuBois, *The Devil's Chemist*, 221.

⁴² Ferencz, *Less Than Slaves*, xvii.

⁴³ Lifton, *The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*, 187.

⁴⁴ К. Краух рейхсфюреру СС, 27 июля 1943 года, *Nuremberg Trial*, Vol. VIII, 532.

и травинки, почва отравлена ядовитыми углем и нефтью, и единственное, что живо – машины и рабы, первое живо в большей степени, чем второе»⁴⁵.

Около 25 тыс. рабочих умерли из-за тяжелого рабского труда, и средняя продолжительность жизни в лагере составляла всего три месяца⁴⁶. Однако к концу войны стало ясно, что Освенцим, амбициозный эксперимент *Farben*, был стратегической ошибкой. Несмотря на финансовые ресурсы компании и огромные человеческие жертвы, к великому разочарованию Гитлера, завод производил лишь небольшие объемы каучука и вообще не изготавливал резину *Vina*. Единственным долгосрочным доказательством его существования стала убийственная роль в «Окончательном решении».

⁴⁵ Primo Levi, *Survival in Auschwitz* (Chicago, IL: BN Publishing, 2007), 72.

⁴⁶ По ранним оценкам, погибло около 200 тыс. человек, но оценщики основывались на ошибочных ранних данных исследователей-союзников. См. DuBois, *The Devil's Chemist*, 220–221, 224.

Глава 4. Выход Капезиуса

Виктор Эрнст Капезиус по многим причинам не должен был оказаться в Освенциме. Он не был ни немцем, ни австрийцем – эти национальности преобладали среди солдат, врачей и офицеров в лагерях. Он родился 2 июля 1907 года в семье религиозных лютеран в Ройсмаркте в трансильванском городке, известным лишь близостью к месту рождения Влада Дракулы. Отец Капезиуса был санитарным врачом⁴⁷. В детстве юного Капезиуса не было ничего примечательного. Он был тихим учеником местной лютеранской школы в Сибиу, румынском городе с выраженным немецким характером, из-за чего многие этнические немцы называли его Германштадтом. По успеваемости Капезиус находился ровно посередине группы из 32 выпускников. Отучился на фармаколога в Университете короля Фердинанда I, в Клуж-Напока (немцы называли этот город Клаузенбургом), выпустившись 30 июня 1930 года⁴⁸. Его первая работа была в аптеке дяди *Apotheke zur Krone* («Аптека короны») в Сигишоаре, на должности ассистента⁴⁹. Мать Капезиуса говорила ему, что однажды он может унаследовать бизнес дядюшки⁵⁰.

Капезиус успел проработать всего пять месяцев, и в 1931 был призван на службу в румынскую армию; молодого обер-лейтенанта отправили в Бухарест в качестве фармацевтического ассистента. Но вскоре Капезиусу удалось выбить длительный отпуск, и он отправился изучать химию в Венский университет⁵¹. Пока он учился в Вене в соседней Германии власть оказалась в руках Гитлера, на что молодой этнический немец не мог не обратить внимания. В Вене Капезиус познакомился с будущей женой, 24-летней Фридерикой Бауэр. Фритци, как Капезиус ее называл, также училась в фармакологическом институте, и у обоих научным руководителем был доктор Рихард Вазицки⁵².

Фритци была очарована Капезиусом. Они начали встречаться, девушка рассказывала подругам, какой он чудесный. Ей нравилось в нем все, от преждевременно поседевших волос до глубоко посаженных темно-карих глаз. Некоторые подруги считали его неуклюжим, но она убеждала их в обратном, рассказывая как он замечательно танцует⁵³. Пара чувствовала особую связь, оба были детьми врачей, из семей религиозных лютеран, хотя отец Фритци вырос в иудаизме, приняв христианство позже. В 1932 году, когда отношения пары стали более серьезными, Фритци познакомила молодого человека с родителями. А следующие весенние каникулы она провела с ним в Трансильвании.

Тем временем, Капезиус закончил диссертацию о мари (лат. *chenopodium*), растении, которое использовалось для лечения пациентов с кишечными паразитами, и получил докторскую степень по фармацевтике 30 ноября 1933 года в Венском университете⁵⁴. Вскоре после возвращения в Сигишоару, он стал менеджером в аптеке дяди. Это был прибыльный бизнес,

⁴⁷ Naumann, Auschwitz, 22.

⁴⁸ Расшифровка судебного слушания, Районный суд, Франкфурт, Виктор Капезиус перед магистратом судьей Хайнцом Дюксом, 8 страниц, 4 Js 444/59, 24 января 1962, Институт Фрица Бауэра, 5, 4; The Military Government of Germany Fragebogen, December 27. 1946, 6 pages, Landesarchiv Baden-Württemberg.

⁴⁹ Dieter Schlesak, «Fragwürdiger Holocaustworkshop in Siebenbürgen/Hermannstadt», Zeit Online, June 1, 2010.

⁵⁰ Hans Nogly, «Die Mörder sind wie du und ich», Stern, No. 10, 1965. 58.

⁵¹ Письмо Виктора Капезиуса 12 мая 1947 года, см. Spruchkammer des Interniertenlagers 74, Article/Case 895/J/74/1213, раздел о: Klageschrift 2 мая 1947 года, 2 страницы, Архив Баден-Вюртемберга, 1–4.

⁵² The Military Government of Germany Fragebogen, December 27. 1946, 6 pages, Landesarchiv Baden-Württemberg; см. также письмо Виктора Капезиуса, 12 мая 1947 года, см. Spruchkammer des Interniertenlagers 74, Article/Case 895/J/74/1213, раздел о: Klageschrift 2 мая 1947 года, 2 страницы, Архив Баден-Вюртемберга, 1.

⁵³ Nogly, «Die Mörder sind wie du und ich», 58.

⁵⁴ The Military Government of Germany Fragebogen (Questionnaire), December 27. 1946, 6 pages, Landesarchiv Baden-Württemberg.

приносящий около 200 тыс. рейхсмарок в год (около 56 тыс. долларов, в то время как средний годовой доход в США составлял 1601 доллар)⁵⁵.

Многие этнические немцы, проживающие в Румынии, были ошеломлены, когда Гитлер в том же году занял пост канцлера Германии. Но Капезиуса не волновал переворот в Германии. Хотя он и вступил в местное националистическое общество, развитие бизнеса имело для него большее значение, чем политические страсти. В свободное время он старался избегать чтения новостей и предпочитал проводить время в спокойной атмосфере с друзьями. По воскресеньям он часто встречался с сестрами Мильд, его симпатичными ровесницами; они наслаждались пикниками в цветущем саду. Ему особенно нравились традиционные блюда – фаршированные перцы и торт с ванильным кремом; он очень гордился умением танцевать и был особенно хорош в вальсе. Капезиус и его близкий друг Роланд Альберт иногда проводили летние и весенние выходные в компании почти десятка других молодых людей, купаясь в ручье неподалеку от Сибиу. Осенью они ходили гулять в горы Харгита. Капезиус много рассказывал о красивой немецкой студентке Фредерике, с которой познакомился во время учебы в Вене. Но если он и пытался таким образом заставить городских девушек ревновать, из этого ничего не получилось. Они сплетничали у него за спиной, обсуждали, какой он волосатый, «мясистый и тяжелый», а одна подозревала, что «в нем точно есть цыганская кровь». Когда он начинал петь, им становилось смешно, потому что голос у него был сильный, но неприятный⁵⁶.

Работа в семейной аптеке была стабильной и комфортной, однако не приносила радости. Капезиус начал присматриваться к вакансиям в других местах. В феврале 1934 года он нашел простую, но прибыльную работу: стал торговым представителем *Romigefa S. A.*, румынской холдинговой компании при *Bayer*, самом престижном дочернем предприятии *I. G. Farben*⁵⁷. За месяц до этого они с Фритци сыграли свадьбу, и паре не терпелось начать независимую семейную жизнь. Вскоре Фритци забеременела. Супруги считали, что новая работа в *Farben* гораздо перспективнее, чем прозябание в дядиной аптеке.

Немецкая фармацевтическая фирма, к которой присоединился Капезиус, в 1930-х годах доминировала на мировом рынке. По сути, современная фармацевтическая индустрия создана немцами. Ее история начинается в далеком 1827 году, в семейной аптеке *Engel-Apotheke* («Ангельская аптека») в Дармштадте, Германия. Генрих Эмануэль Мерк, пра-пра-правнук основателя, выделил чистые алкалоиды, которые были основой множества лекарств, в том числе кодеина и кокаина. Тогда же Эрнст Кристиан Фридрих Шеринг создал в Берлине *Shering AG*, маленькую компанию по производству химикатов и нескольких соединений для медицинских препаратов. Несколько лет спустя Фридрих Байер основал фабрику в Вуппертале, чтобы изготавливать краситель из каменноугольной смолы. В течение следующих 10 лет он запатентовал дешевые технологии, открывающие возможности для массового производства. Когда Байер узнал, что его краситель обладает антисептическими свойствами, он стал продавать его как лекарство.

Именно немецкие ученые совершили большую часть прорывных открытий в ранней фармакологии. Двадцатидвухлетний фармацевт Фридрих Зертюрнер очистил активный ингредиент в опиумном маке и назвал его морфием (лат. *morpheus*), в честь древнегреческого бога сна.

⁵⁵ «Statistics of Income for 1934», Part 1, U.S. Treasury Department, Income Tax Unit, Government Printing Office, 1936, 23, 78.

⁵⁶ Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Hardcover Edition, 232, 236.

⁵⁷ «После получения докторской степени меня приняли 1 февраля 1934 года на позицию менеджера в «*Romigefa*» SAR в Бухаресте, компания представляла в Румынии *Bayer-Medicamente*, и после трехмесячного курса введения в новую специальность меня направили в Леверкузен». Большая часть биографического материала о Капезиусе – это его собственные письма и представления, сделанные во время процесса денацификации в Германии в 1947 году, письмо Виктора Капезиуса, 12 мая 1947 года, см. Spruchkammer des Interniertenlagers 74, Article/Case 895/J/74/1213, раздел о: Klageschrift 2 мая 1947 года, 2 страницы, Архив Баден-Вюртемберга, 1–4; представление дела прокурором Иоахимом Кюглером, Mulka et al., 4 Ks 2/63, Франкфурт-на-Майне, 13 мая 1965 года; см. также Dieter Schlesak, *The Druggist of Auschwitz: A Documentary Novel* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011).

Один из его учеников, работающий на *Bayer*, в 1898 году добавил к молекуле морфия две ацетильные группы и создал героин (от немецкого *heroisch*, то есть «героический»). В следующем году этот химик выделил салициловую кислоту и после эмоциональных внутренних дебатов *Bayer* выпустила на рынок новое лекарство – аспирин.

Капезиус очень гордился, что *Farben* и *Bayer* не было равных среди новаторов в фармацевтике. Он показал себя старательным, лояльным сотрудником и заработал хорошую репутацию, распространяя продукцию компании среди частных врачей, фармацевтов и в клиниках по всей Трансильвании. Он также успешно продавал красители и химию текстильным фабрикам⁵⁸.

Как и для всего поколения Капезиуса в Европе, война разрушила то, что уже начинало превращаться в неплохую, а в некоторых случаях успешную карьеру. Румыния сохраняла нейтралитет в 1939 году, когда нацисты вторглись в Польшу. Но в следующем году в ноябре страна присоединилась к Третьему рейху в результате государственного переворота: у власти оказался фашист «Железного кулака», маршал Йон Виктор Антонеску. После нападения Гитлера на Советский союз в июне 1941 года многих румынских солдат отправили туда на «грязную работу».

Капезиусу повезло. Его призвали на службу в армии, но ненадолго отправили в аптеку при госпитале в Чернаводэ на востоке Румынии, недалеко от побережья Черного моря⁵⁹. Капезиус был расстроен, что из-за службы ему пришлось покинуть дочек: 6-летнюю Мелитту, 4-летнюю Ингрид и годовалую Крису. В январе 1942 года его повысили до капитана и, по причинам не указанным ни в каких документах, отпустили домой. Он вернулся к работе на *Farben/Bayer*. Капезиус так часто разъезжал по делам, что временами жил и в Калуженбурге, и в Сигишоаре, но в конце концов купил квартиру на шестом этаже в богатом районе Бухареста на улице Брезояну. Туда переехала вся семья. Доходы преуспевающего коммивояжера позволяли вложиться еще и в современную квартиру на улице доктора Марковичи. Капезиус стал завсегдатаем лучших бизнес-клубов города и различных светских собраний⁶⁰.

Военные действия не достигли границ Румынии, но все постоянно напоминало о войне, особенно на крупных железнодорожных узлах. Десятки тысяч нацистских солдат ехали в Россию. Капезиусу казалось странным, что на восток отправлялись битком набитые поезда, а возвращались пустые. Восточный фронт никого не щадил.

Страна, в которой Капезиус вырос и работал, была поглощена идеей национал-социализма. Ее лидеры не просто приняли фашизм, они полностью пропитались гитлеровской антисемитской идеологией. Гитлер, восходя к власти, обвинял «мировую еврейскую каббалу» в поработлении Германии, ослабленной поражением в Первой мировой войне, и говорил, что страна снова сможет стать великой, только если избавиться от евреев. Это разжигающее ненависть назначение козла отпущения было хорошо воспринято в ближних странах, вроде Румынии, которые надеялись имитировать Гитлера и его «мускульный» стиль управления, чтобы повысить собственный статус европейской державы. Румынские христиане легко попались на удочку демагогии, поскольку многие и так были убеждены, что евреи – христубийцы, которые зарвались и приобрели слишком большое влияние на экономику разных стран.

Трансильвания Капезиуса была родиной одной из старейших в Европе еврейских коммун, основанной еще в 87 году н. э. Ей не раз доводилось страдать от всплесков антисемитизма на протяжении истории. Межрелигиозные браки христиан и евреев запретили в XI веке. В XV–XVI веках евреям запрещалось жить в крупных городах. Во второй половине XVIII правящая

⁵⁸ Nogly, «Die Mörder sind wie du und ich», 60–61.

⁵⁹ Представление дела прокурором Иохимом Кюглером, Mulka et al., 4 Ks 2/63, Франкфурт-на-Майне, 13 мая 1965 года; см. Также письмо Капезиуса (4 страницы) прокурору, Людвигсбург, 3 января 1947, 1, Архив Баден-Вюртемберга.

⁶⁰ Nogly, «Die Mörder sind wie du und ich», 61.

династия Габсбургов обложила евреев драконовыми налогами и согнала эту часть населения в гетто. Ложные слухи, что евреи убивают христианских младенцев для ритуалов распространялись со скоростью света, что привело к погромам (которые совершались с подачи властей) и жестокости во имя мести. Когда русские завоевали Трансильванию в XIX веке, с приходом славян в стране расцвела новая ветвь антисемитизма – идея, что евреи – пришлая раса.

Европа подхватывала либеральные социально-политические теории, устремившиеся к востоку после Французской революции 1789 года, однако Трансильвания почему-то не торопилась принимать современные взгляды на евреев. В 1866 году вышла новая конституция, провозгласившая гражданами страны только христиан, а права на собственность (и права в целом) евреев, оставшихся без гражданства, сильно урезали. В 1940 году маршал Антонеску приступил к «румынизации» – программе, похожей на ариизацию Гитлера. На пути к окончательному изгнанию евреев из страны, государство конфисковало еврейский капитал и распределило его между румынами.

Некоторые коллеги и друзья Капезиуса были яркими сторонниками новой волны антисемитизма. Учитель естествознания, которого Капезиус «уважал», принял взгляды национал-социалистов, пропагандирующие, что этнических немцев надо было защищать от «низших народов»⁶¹. Роланд Альберт, друг Капезиуса, присоединился к неофашистскому ополчению в 1940 году, когда Антонеску пришел к власти. Вскоре он слово в слово повторял все эти ужасные вещи в отношении евреев и живших в Румынии цыган и армян. «К сожалению, огромное количество городских и деревенских сумасшедших, идиотов и слабаков того или иного вида отравляют нашу кровь» – говорил Альберт⁶².

В новой Румынии друзья могли поругаться и из-за казалось бы незначительных вещей. Альберт вспоминал, что как-то они с Капезиусом зашли на чердак, где был граммофон.

– У тебя есть что-нибудь из классики? – спросил Альберт. – Шуберт или Бетховен?

– Нет, я бы лучше послушал чарльстон или вальсы Штрауса, – ответил Капезиус.

– Филистер, – сказал Альберт, совершенно серьезно⁶³.

Позже он рассказал журналисту, что эта музыка «показывает главную разницу между нами и жидами. <...> Этот джаз, эта американская «асфальтовая музыка», они отравляют мир <...> и эта негритянская музыка»⁶⁴.

Не известно, принял ли молодой Капезиус, разъезжающий по стране с заказами *Farben/Bayer*, взгляды и предубеждения своих друзей и педагогов. Учитывая культурную и историческую атмосферу, в которой росли, учились, жили и работали этнические немцы вроде Капезиуса, неприязненное отношение к евреям – лучшее, на что можно было надеяться. Позже Капезиус утверждал, что «никогда не относился к евреям враждебно»⁶⁵. Какими бы ни были его чувства, он мудро ставил работу на первое место. Двое его первых наставников в *Farben* были евреями, но обоим пришлось покинуть компанию в 1939 году из-за Нюрнбергского расового закона⁶⁶. Многие врачи, фармацевты и хозяева фабрик, с которыми Капезиус сотрудничал от имени *Farben/Bayer*, были евреями. И никто никогда не жаловался на антисемитизм с его стороны.

На самом деле, клиенты-евреи составляли немалую долю прибыли Капезиуса. Его целенаправленность побеждала любое недовольство, которое могли бы вызвать клиенты-евреи.

⁶¹ Интервью Капезиуса в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Hardcover Edition, 271.

⁶² Интервью Капезиуса в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Hardcover Edition, 271.

⁶³ Интервью Роланда Альберта в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Hardcover Edition, 235.

⁶⁴ Интервью Роланда Альберта в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Hardcover Edition, 236.

⁶⁵ Интервью Капезиуса в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 1580 of 5519.

⁶⁶ Это были доктор Алехандро Бардену (ранее – Ротбарт) и доктор Моритц Шеерер. Письмо Виктора Капезиуса 12 мая 1947 года, см. Spruchkammer des Interniertenlagers 74, Article/Case 895/J/74/1213, раздел о: Klageschrift 2 мая 1947 года, 2 страницы, Архив Баден-Вюртемберга, 1–4.

Когда Йозеф Глюк, текстильный мануфактурщик и еврей, пожаловался в франкфуртский штаб *Farben*, что заказанные красители сильно задерживаются, Капезиус приехал к нему лично. Он разобрался в проблеме и после пристально следил за этой точкой, чтобы точно знать, что Глюк всем доволен. Также Капезиус неоднократно пополнял складские запасы по первой же просьбе одного из главных клиентов, Альберта Эренфельда, еврея, оптового торговца фармацевтическими товарами. Капезиус уделял особое внимание и двум еврейским врачам, доктору Гизеле Бём и доктору Маврикию Бернеру, своевременно сообщая им о новых препаратах *Bayer*⁶⁷.

Работа на *Farben* позволяла Капезиусу сохранять дистанцию от войны с евреями на родине. Но весной 1943 года все изменилось: когда стало ясно, что бомбы союзников могут долететь до Румынии, нацисты сделали воинскую повинность обязательной для всех этнических немцев (нем. *volksdeutsche*, «немецкий народ» – прим. переводчика). Полтора года спустя, работа Капезиуса в *Farben/Bayer* прервалась.

Капезиус не сильно удивился, когда его призвали на службу 1 августа 1943 года⁶⁸. За несколько месяцев до этого советская армия изменила ход войны самой кровавой битвой – битвой под Сталинградом, и многие современники были уверены, что приход советской армии в Румынию и восточную Европу был лишь вопросом времени. Карл Хайнц Шулер, одноклассник и сослуживец Капезиуса, вспоминал, что мало кто был рад присоединению к немецкой армии⁶⁹. Капезиус, однако, оказался в меньшинстве, так как был низкого мнения о румынской армии и считал, что служить Германии напрямую «куда более почетно»⁷⁰.

Фритци была не так довольна. Как и многие жены, она была счастлива, пока муж находился в резерве, как можно дальше от военных действий. Но с призывом в немецкую армию она испугалась, что вскоре его увезут на фронт. Она боялась стать очередной вдовой, которой придется растить дочек восьми, шести и трех лет одной⁷¹. Женщина с детьми уехала из Бухареста обратно в Сигишоару, где поселилась у родственников Капезиуса⁷².

Сам Капезиус не боялся оказаться на поле боя. Вместо этого он сосредоточился на доказательстве своей принадлежности к арийцам, изучив родословную вплоть до XVIII века, что позволило ему пройти 6-недельное обучение в Ваффен-СС (боевая группа СС). Он поступил мудро, не упомянув, что Фритци была на половину еврейкой (если следовать нацистской интерпретации религии по крови)⁷³.

– Поскольку разбомбили эсэсовское ателье, – позже вспоминал Капезиус, – мы 6 недель ждали, пока наши формы доделают в полицейском ателье. Это были прекрасные 6 недель в гражданской одежде, полные театров и кабаре. А жили мы в отеле «Централь», где был закрытый сад⁷⁴.

Закончив обучение, Капезиус, уже капитан (нем. *hauptstrumführer*), получил метку СС – небольшую черную татуировку у левой подмышки, которая указывала его тип крови⁷⁵. После получения формы рекрутов, по словам Капезиуса, «разослали на все четыре стороны»⁷⁶. Его и дюжину других этнических немцев отправили на Центральную медицинскую станцию СС в

⁶⁷ Hans Nogly, «Die Mörder sind wie du und ich», Stern, No. 10, 1965. 61.

⁶⁸ Naumann, Auschwitz, 22–23.

⁶⁹ Карл Хайнц Шулер цитируется в: Schlesak, The Druggist of Auschwitz, 141–142.

⁷⁰ Nogly, «Die Mörder sind wie du und ich», 62.

⁷¹ Там же.

⁷² Helge Krempels, «Kreisgruppe Ludwigsburg: In Erinnerung an Melitta Capesius», Siebenbrgische Zeitung, December 3, 2013.

⁷³ Naumann, Auschwitz, 23; см. также Hans Nogly, «Die Mörder sind wie du und ich», Stern, No. 10, 1965. 60.

⁷⁴ Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Hardcover Edition, 174.

⁷⁵ Данные расходятся с опубликованными ранее отчетами о Капезиусе на предмет наличия у него эсэсовской татуировки. Автор подтверждает это на основе прежде закрытого документа, полученного в соответствии с законом о свободе информации: «War Crimes Central Suspect and Witness Enclosure», Headquarters, Civilian Internment Enclosure, APO 205, US Army, December 20, 1946, page 8, Dossier 76950, May 17, 1951, Subject, «Capesius, Victor Ernst», рассекречено 1 апреля 2016 года, NARA.

⁷⁶ Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Hardcover Edition, 175.

Варшаве⁷⁷. Там он служил аптекарем в двух концлагерях у Берлина и Мюнхена – Захсенхаузене и Дахау. Туда отправляли политических заключенных, но по ходу войны стали завозить все больше и больше евреев. Хотя в обоих лагерях были ужасные условия, заключенных ни в одном не убивали. Неудивительно, что выбрали Капезиуса с его лаврами *Bayer*, ведь *Farben* управляла всеми лагерными аптеками.

Капезиус знал, что этнические немцы из Югославии, Болгарии и других центрально- и восточноевропейских стран были, согласно Гиммлеру и главным нацистам, «второсортными немцами».

– Мы чувствовали себя ниже немцев из Рейха, настоящих немцев, – отмечал Роланд Альберт⁷⁸.

Но Капезиус и не предполагал, что это распространенное среди эсэсовской элиты мнение приводило к тому, что этнических немцев отправляли в не самые приятные места, из-за чего многие из них оказывались на посту в концлагерях⁷⁹.

Именно в Дахау врач полковник Энно Лоллинг познакомился с Капезиусом и проникся к нему симпатией. Бывший морфинист, проработавший к тому моменту лагерным врачом уже семь лет, Лоллинг был главой лагерного Департамента медицины и гигиены. Это делало его ответственным за всех эсэсовских врачей во всех концлагерях.

Лоллинг был без ума от жутких, мрачных вещей. Он просил, чтобы из лагеря ему доставляли человеческую кожу с татуировками. Заключенных с татуировками, которые находили достойными, убивали инъекциями фенола в сердце, а их кожу осторожно снимали и сушили, после чего посылали Лоллингу в коробках с пометками «Военные материалы, срочно». Некоторые экземпляры он отправлял в берлинский Институт Кайзера Вильгельма, главный исследовательский центр Третьего рейха в сфере «расовой гигиены», где развивалась евгеника. Но лучшие экземпляры он превращал в жуткие подарки коллегам, например, кошельки и портсигары⁸⁰. Лоллинг даже приказал врачам-эсэсовцам в Бухенвальде выяснить, как можно уменьшить голову человека: этот вопрос очень его интересовал. Они изучили книги о практиках каннибалов южных морей и центрально-американских индейцев, но разгадку нашли в описаниях техники аборигенов, охотников за головами, овладевших этим искусством в совершенстве. Ради этого эксперимента в Бухенвальде было убито 30 заключенных, и три черепа удалось уменьшить до размера яблока (один из них комендант лагеря использовал в качестве держателя для бумаг)⁸¹.

В ноябре 1943 году Лоллинг сообщил Капезиусу, что его переводят в Освенцим. Капезиус знал: несмотря на то, что концентрационных лагерей были сотни, Освенцим особенно выделялся огромными размерами и страшной репутацией. Во время службы в Дахау и Захсенхаузене он узнал о нескольких лагерях с мрачной славой, объединенных под названием Освенцим; лагеря находились примерно в 50 км от Кракова. Изначально (с апреля 1940 года) это был захолустный исправительный лагерь. Полуразрушенные бараки на окраине небольшого городка – Освенцима по-польски, Аушвица по-немецки, – превратили в тюрьму. Через год там было уже 10 тыс. заключенных, в основном польские диссиденты⁸². Именно тогда *I. G. Farben* решила построить Моновиц всего в 6,4 км к востоку. Поскольку СС собирались обеспечить *Farben* рабочей силой, потребовалось расширить основной лагерь и утроить количество заключенных – до 35 тыс. и более.

⁷⁷ Naumann, Auschwitz, 22–23.

⁷⁸ Роланд Альберт цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Hardcover Edition, 204.

⁷⁹ Paul Georgescu, «Volksdeutsche in der Waffen-SS», *Südostdeutsche Vierteljahreshfte*, 53(2), 2004, 117–123.

⁸⁰ Paul Meskil, *Hitler's Heirs; Where are They Now?* (New York: Pyramid Books, 1961), 36.

⁸¹ Meskil, *Hitler's Heirs*, 36–37.

⁸² Yisrael Gutman and Michael Berenbaum, *Anatomy of the Auschwitz Death Camp* (Bloomington, IN: Indiana University Press, 1998), 6, 8–9.

Жуткая репутация лагеря, однако, появилась в результате двух не связанных между собой событий. Вторжение нацистов в СССР в 1941 году прошло довольно успешно. Всего за несколько месяцев немцы захватили в плен почти 1,5 млн советских солдат, а девать их было некуда⁸³. Тогда глава СС Генрих Гиммлер приказал построить новый огромный лагерь в 1,6 км от деревни Бжезинки, которую немцы называли Биркенау. Лагерь находился по другую сторону железной дороги и по плану должен был вмещать до 200 тыс. военнопленных, многих из которых собирались отправить работать на *Farben*, *Krupp*, *Siemens* и другие немецкие компании, громко заявляющие о намерении открыть лагеря и использовать рабский труд заключенных. Но планы, по которым Биркенау должен был лишь содержать военнопленных, быстро поменялись. К январю 1942 года нацисты официально приняли «Окончательное решение» – план по убийству всех евреев в Европе. Это сподвигло их построить новые лагеря смерти в Польше – Трешлинку, Майданек, Хелмно и Собибор. Но даже с новыми лагерями убийства плененных евреев происходили недостаточно быстро. Поэтому Биркенау из лагеря смерти перестроили еще и в рабочий с собственными газовыми камерами.

Капезиус знал, что Освенцим, гибрид исправительного, рабочего и лагеря смерти, отличался от других. Именно там эсэсовские врачи и немецкие фармацевтические компании проводили самые массовые и леденящие кровь эксперименты над людьми. Когда Капезиусу сообщили о переводе в Освенцим, главный лагерь, уже в основном административный, фактически называли Аушвицем I, Биркенау – Аушвицем II, а Моновиц – Аушвицем III.

По словам Лоллинга Адольф Кроммер, аптекарь Освенцима с 1941 года, срочно нуждался в компетентном помощнике. Кроммер присоединился к СС в 1933 году, из-за чего мог похвастаться одним из первых номеров членства. Несмотря на достойную родословную, Кроммер не справлялся с огромным объемом задач без посторонней помощи. Лоллинг, однако, не сообщил Капезиусу, что Кроммер проигрывал борьбу с депрессией.

Капезиус не хотел работать в месте, которое эсэсовский врач Хайнц Тило назвал «*anus mundi*» («анусом мира»)⁸⁴. Он пытался переубедить Лоллинга и попросил о помощи знакомого из Дахау, капитана доктора Германа Йозефа Беккера. Беккер руководил отделом авиационной медицины СС, в чью зону ответственности входили жестокие эксперименты с высоким и низким давлением, проводимые на заключенных с целью разработать лучшее летное оборудование для немецкой армии. Также Беккер был уважаемым членом партии нацистов и имел влияние в Берлине. Капезиус сказал, что предпочел бы остаться в Дахау, ему «тут нравится», особенно потому, что «у лагеря хорошее управление»⁸⁵. Но Беккер ничем не мог помочь⁸⁶.

Капезиус приехал в Освенцим в декабре, буквально с первым снегом. Дахау и Заксенхаузен, возможно, открыли глаза Капезиусу, но крещение огнем ему еще только предстояло.

⁸³ Пять крупных битв, которые привели к возникновению рекордного количества русских военнопленных в первые месяцы войны: Вязьма и Брянск – 512 тыс., Киев – 452 тыс., Смоленск – 300 тыс., Белосток/Минск – 290 тыс., Умань – 103 тыс.

⁸⁴ Цитируется в: дневник доктора Иоганна Пауля Кримера, 5 сентября 1942 года, The Holocaust Education & Archive Research Team.

⁸⁵ Капезиус цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Hardcover Edition, 174.

⁸⁶ Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Hardcover Edition, 175.

Глава 5. Добро пожаловать в Освенцим

Капезиус отправился на службу в Освенцим под началом доктора Эдуарда Виртса, 34-летнего капитана СС, где составил компанию двадцати другим медикам. Тогда врачи отвечали за все: от здоровья персонала СС до поддержания жизни заключенных и проведения медицинских экспериментов. От коллег в Дахау Капезиус узнал, что Виртс сильно отличался от его предыдущих начальников. Ревностный нацист, Виртс сражался на западном фронте, но после легкого сердечного приступа в 1942 году занял должность главного психиатра в концлагере Нойенгамме неподалеку от Гамбурга. Три месяца спустя его перевели в Освенцим на должность главного врача.

Капезиус слышал, что Виртс был одержим изучением проблем массовой стерилизации и рака шейки матки. Но он еще не знал, что в погоне за ответами на свои вопросы Виртс учинил эксперименты над сотнями заключенных женщин, уничтожая их яичники облучением или удаляя их напрямую с помощью жестокой операции; в результате 80 % женщин погибало. Младший брат Виртса, Гельмут, известный в Гамбурге гинеколог, приехал в Освенцим в 1943 году, чтобы присоединиться к экспериментам, но вскоре почувствовал такое отвращение к увиденному, что уехал, громко рассорившись с братом.

Также Виртс горел идеей истребления тифа (пятнистой лихорадки), от которого не только страдали эсэсовцы, но и погибали тысячи недокормленных заключенных, а контролировать инфекцию в лагерях было невозможно. Виртс выпускал одну программу за другой с целью избавить бараки заключенных от вшей и других вредителей, распространяющих болезни и в без того антисанитарных условиях. Очевидно, ему не казалось странным, что многие заключенные, которых он искренне старался спасти от тифа, все равно вскоре окажутся в газовых камерах.

Капезиус знал, что Виртс – человек эксцентричный. Он любил развезжать на машине с флагами Красного креста, насмехаясь над международной организацией, которая время от времени интересовалась условиями жизни в концлагерях. После двух месяцев в Нойенгамме на прощание Виртс предоставил эсэсовцам Освенцима доступ к бесплатным консультациям с семейными и частными психологами.

За полгода до прибытия Капезиуса Виртс принял решение, которое навсегда изменило историю Освенцима и отношение будущих поколений к лагерным врачам. До начала 1943 года комендантом Освенцима был Рудольф Хёсс, осужденный убийца, и эсэсовцы по его приказу отбирали, кому оставить жизнь, а кого отправить на смерть, прямо на станции. Мало кто считался «пригодным для работы»; стариков, детей, беременных отправляли налево, что означало смерть в газовых камерах (в итоге около 1,1 млн из 1,5 млн привезенных в Освенцим были убиты сразу). Однако, поскольку лагерные рабочие от недоедания, избиений, болезни и в результате казней быстро погибали, новые люди были нужны всегда.

Тех, кому повезло избежать мгновенной смерти, клеймили на запястьях, чтобы вести подробный учет заключенных (эта практика проходила только в Освенциме). Многих заключенных отправляли работать в Моновиц, некоторых оставшихся назначали плотниками, электриками, цирюльниками и поварами. Иногда их отправляли работать в каменных карьерах, заставляли копать туннели, убирать снег с дорог, очищать дебри после нападений с воздуха. Все под присмотром охраны. Женщин в основном отправляли разбирать горы личных вещей, отнятых у новых заключенных, и готовить все стоящее к отправке в Германию. Некоторых превращали в секс-рабынь. Медикам как правило сохраняли жизнь, а после заставляли выполнять жутчайшие приказы эсэсовских врачей и аптекарей. Заключенных-стоматологов заставляли вырывать золотые зубы из трупов. Наиболее трудоспособных мужчин, которым сохра-

няли жизнь, отправляли в зондеркоманду, на членов которой возлагалась жуткая обязанность убирать трупы из газовых камер.

Виртс хотел лично контролировать отбор на платформе. Он считал, что решения в вопросах жизни и смерти могли принимать только врачи. Раз Освенцим представлял уникальную возможность развить нацистскую науку, Виртс утверждал, что доктора должны выбирать подопытных вручную. Эта точка зрения получила опору той весной, когда в лагерь приехал доктор Йозеф Менгеле, 32-летний заслуженный ветеран восточного фронта. Менгеле был протеже доктора Отмара Фрайхерра фон Фершуэра, одного из ведущих генетиков Европы, предводителя нацистской расовой псевдонауки. Еще студентом Менгеле был любимым помощником фон Фершуэра во всех исследованиях уважаемого в Третьем рейхе Франкфуртского института наследственности, биологии и расовой чистоты.

Сотрудничество с фон Фершуэром бросило Менгеле в гущу событий: он погрузился в развивающуюся нацистскую научную философию, согласно которой было возможно отбирать, изменять, и таким образом «очистить» генетику человечества⁸⁷. Особое внимание фон Фершуэр посвятил изучению близнецов. Он занимал пост главы выдающегося берлинского Института антропологии, наследственности и генетики им. кайзера Вильгельма. Именно фон Фершуэр замолвил слово за Менгеле, после чего того перевели в Освенцим, и он же спонсировал некоторые медицинские эксперименты. Одна из заключенных, работавших на Менгеле, врач Элла Лингенс, впоследствии отметила:

– Под предводительством Отмара фон Фершуэра на свет вышли окончательные, смертельные последствия науки, основанной на расовом принципе, которым при национал-социализме не было предела⁸⁸.

Приехав, Менгеле не стал терять время зря. Для исследования ему были нужны близнецы. И побольше. Но отыскать таких среди тысяч изнуренных, грязных и растерянных пленников, как он сказал Виртсу, было сложной задачей, которую нельзя доверять нетренированному глазу простого эсэсовца. Это стало одной из многих причин, по которой Виртс решил, что отбором должен руководить человек с медицинским образованием.

Все лагерные врачи, Виртс в том числе, должны были проводить отбор на платформе, заменяя коллег раз в сутки. Каждый поезд встречало двое врачей. Не всем нравилась эта работа. Некоторые, как Ганс Кёниг и Вернер Рёде, ушли в запой. Известный склонностью к садизму, доктор Фритц Кляйн, как потом рассказывал Капезиус, «почти всегда был пьян». Другой врач, Ганс Мюнх, отказался выполнять задание, был понижен в звании и переведен в Моновиц, где изучал поступающую на анализ кровь. Доктор Иоганн Пауль Кремер вел дневник каждый день на протяжении 7 месяцев, что проработал в Освенциме. Он писал, что по сравнению с лагерем, «ад Данте мог показаться комедией» и что «люди соревнуются, кто будет чаще проводить отборы [потому что] получают за это приятные бонусы – 200 мл водки, 5 сигарет, 100 г сосисок с хлебом»⁸⁹.

Многим не нужно было дополнительное вознаграждение: для них это было просто частью работы. Но некоторые ценили эти «особые акции». Одним из таких был Менгеле, он даже вызывался работать дополнительные смены. На станции он стал тем самым первым нацистом, которого видели десятки тысяч пленных после долгого пути. Образ одетого с иголки эсэсовца, время от времени насвистывающего оперную арию, с хлыстом в руках (с помощью хлыста он указывал пленникам, идти им вправо или влево), навсегда врезался в память тех, кто пережил Освенцим⁹⁰.

⁸⁷ Gerald Posner and John Ware, Mengele: The Complete Story (New York: McGraw-Hill, 1986), 11–13.

⁸⁸ Лингенс цитируется в: Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Hardcover Edition, 269–70.

⁸⁹ Пятое сентября 1942 года, запись в дневнике доктора Иоганна Пауля Кремера, The Holocaust Education & Archive Research Team.

⁹⁰ О том, что Кёниг напивался перед отборами, см.: Herman Langbein, People in Auschwitz (Chapel Hill, NC: University of

Около 5 тыс. близнецов, в основном детей, прошло через то, что другие заключенные называли «зоопарком Менгеле», барак № 14 лагеря F. Там он проводил самые страшные эксперименты, что видала эта война. В распоряжении Менгеле, как и других эсэсовских врачей, был неограниченный запас «подопытных кроликов». Он хотел использовать их, чтобы раскрыть тайну рождения близнецов, чтобы каждая хорошая арийская мать могла родить сразу двух детей, таким образом восполнить потери немцев в войне. Также ему было интересно, возможно ли изменить внешность «низших рас» и сделать евреев и цыган более похожими на арийцев. Менгеле применял на практике любую медицинскую теорию, которая его интересовала, вне зависимости от того, насколько безосновательной она была, и насколько жестоким и смертоносным был эксперимент.

Однажды заключенную Веру Кригель привели в одну из комнат его лаборатории. К своему ужасу там она увидела стену, покрытую человеческими глазными яблоками.

– Они были приколоты, как бабочки, – вспоминала женщина. – Я подумала, что уже умерла и оказалась в аду.

Эти органы Менгеле отправлял наставнику, фон Фершуэру, чтобы один берлинский ученый мог дописать работу на тему пигментации глаза, в частности, является ли она полезным биологическим расовым маркером.

Капезиус еще не знал, что его довоенный работодатель *Farben/Bayer* спонсировала большую часть лагерных экспериментов. Также он не знал, что *Farben* зарабатывала на использовании в Освенциме циклона Б, пестицида на основе цианида, которым убивали в газовых камерах. За десятилетия до того, как люди услышали слово «Освенцим», *Farben* выкупила контрольный пакет в патенте циклона Б. *Bayer* в основном отвечала за продажу и распространение⁹¹. Изначально это вещество использовали для обработки бараков и одежды заключенных. Но за 1,5 года до приезда Капезиуса циклон Б взял на себя более важную и более разрушительную роль: это стало результатом встречи глав СС, проведенной в пригороде Берлина Ванзее. Там они приняли «Окончательное решение еврейского вопроса». Нацисты забросили все планы по изгнанию и переселению европейских евреев. Глава СС Гиммлер вызвал коменданта лагеря в Берлин и сообщил ему, что фюрер приказал приступить к полному уничтожению⁹². Вскоре после Ванзейской конференции Гитлер произнес одну из его самых известных речей о судьбе европейских евреев. Разъяренный фюрер пообещал: «Евреи будут ликвидированы как минимум на тысячу лет!»⁹³.

К тому времени эскадронами смерти (айнзацгруппами) было убито уже больше миллиона евреев, в основном в Польше, Украине и России. В сентябре 1941 года в лагере Хелмно к северо-западу от Варшавы евреев убивали монооксидом углерода, запуская его в специально сконструированные фургоны. В других лагерях смерти в Польше, таких как Треблінка, Белжец и Собибор, нацисты тоже в основном полагались на монооксид углерода, запуская его в закрытые помещения с помощью труб. Но в Освенциме усовершенствовали технологию массового убийства. После продолжительных экспериментов, Хёсс и его подчиненные остановились на циклоне Б. Дешевые сине-серые гранулы превращались в смертоносный газ при контакте с воздухом. Первая полностью рабочая газовая камера была приведена в действие в марте 1942 года, всего через месяц после того, как Гитлер пообещал ликвидировать всех евреев на континенте.

Патенты на химическую формулу циклона Б принадлежали немецкой компании *Degesch* (*Deutsche Gesellschaft für Schädlingsbekämpfung*, Немецкая корпорация по борьбе с вредите-

North Carolina Press, 2004), 353, and Naumann, Auschwitz, 93. О Менгеле на платформе, см.: Posner and Ware, Mengele, 26–27.

⁹¹ DuBois, Jr., *The Devil's Chemist*, 213.

⁹² Показания Хёсса, *Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg 1947*, Vol XI, 348.

⁹³ John Cornwell, *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII* (New York: Viking, 1999), 281.

лями). *Farben* принадлежало 42,5 % *Degesch*, она же контролировала исполнительный совет компании. Один из директоров *Farben* был военным председателем *Degesch*⁹⁴. У компании также был отдельный патент на раздражитель слизистой оболочки глаз, который она добавляла в циклон Б с целью вызвать физическую реакцию на бесцветный и непахнущий газ, предупреждение для жертв.

Курт Герштейн, глава отделения дезинфекции СС, настаивал на том, чтобы *Degesch* убрала предупреждающий раздражитель из всех поставок циклона Б эсэсовцам. Директора *Degesch* этому сопротивлялись, боясь, что тогда появится конкуренция и Герштейн поделился жуткими деталями использования этого продукта. Он говорил о необходимости убрать раздражитель, чтобы люди в газовых камерах не получали предупреждений, потому что в противном случае начинается массовая паника. Вместо того, чтобы ужаснуться желанию СС с помощью их продукта убить около 7 млн человек, директора *Degesch* согласились убрать раздражитель и повысили работоспособность до невероятного уровня. Примерно в то же время, как СС заказали первую большую порцию циклона Б, Герштейн, преследуемый жуткими картинами прошлого не по плану убийства 800 евреев угарным газом, признался немецкому священнику во всем, в деталях рассказав о нацистских убийствах в Восточной Европе. Впервые высокопоставленный эсэсовец подтвердил «Окончательное решение». Признание Герштейна отправили в Ватикан в запечатанном дипломатическом письме и сохранили в тайне до конца войны⁹⁵.

С 1942 года, в результате огромных заказов СС, прибыль с продаж циклона Б взлетела до небес. Один только Освенцим запрашивал 23 тонны инсектицида. В 1943 году циклон Б составлял 70 % прибыли *Degesch*.

В первый день в Освенциме Капезиусу только предстояло узнать о важности этого отравляющего вещества. Виртс провел ему лишь поверхностную экскурсию по лагерю. Более подробную информацию о новой должности ему сообщил доктор Адольф Кромер в лагерной аптеке. Это место стало Капезиусу домом до конца войны.

Он довольно быстро понял, что у нового начальника не просто всем знакомая депрессия. На самом деле Кромер находился на грани нервного срыва. Хотя некоторые доктора, в том числе Виртс и Менгеле, в Освенциме процветали, на других бесконечная жестокость сказывалась тяжело. Очевидно, Кромер относился к последним. Аптекарь из числа заключенных, Ян Сикорский, признался Капезиусу, что Кромер сказал однажды: «Войну нам уже не выиграть»⁹⁶. Капезиус отказывался верить, что Кромер поведал бы подобное заключенному, так что решил это с ним обсудить.

– Да, я это сказал, – признался Кромер.

Вскоре Капезиус выяснил, что Кромер свободно общался со многими заключенным, которые работали в аптеке.

– У тебя глаза на лоб ползут. У нас тут Содом и Гоморра, – говорил Кромер Капезиусу. – Ад по сравнению с этим – ничто⁹⁷.

Капезиус не пробыл в Освенциме и двух месяцев, когда Кромера арестовали, осудили и казнили за «распространение пораженчества». После войны Капезиус банально описал беспорядочные события: «Меня перевел в Освенцим штурмбаннфюрер Лоллинг, потому что их аптекарь доктор Кромер заболел. <...> Я прибыл в Освенцим служить под началом доктора Виртса. Кромер принял меня в эсэсовской аптеке. Вскоре его состояние ухудшилось, и он скончался 18 февраля 1944 года. Меня назначили его приемником». (В 2010 году, во время реновации частного дома неподалеку от Освенцима, были обнаружены подлинные лагерные доку-

⁹⁴ Jeffreys, *Hell's Cartel*, Kindle Edition, 5161–5183 of 9525.

⁹⁵ Posner, *God's Bankers: A History of Money and Power at the Vatican* (New York: Simon and Schuster, 2015, 91–92.

⁹⁶ Капезиус цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 1259 of 5519.

⁹⁷ Капезиус цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Hardcover Edition, 84.

менты. В их числе был сертификат о смерти Кромера. Поскольку СС не хотели афишировать казнь одного из главных офицеров, причиной смерти они указали «сердечный приступ»⁹⁸.)

Капезиус был горд повышением до главного аптекаря. После войны он утверждал, что «жуткие вещи», которые он наблюдал в лагере, были «печальны, чуть ли не вызывали тошноту. Все время кажется, что тебя сейчас стошнит. Это сначала. А потом привыкаешь»⁹⁹. Но он ни разу не показал, что чем-то недоволен, ни разу не жаловался коллегам. Им даже нравилось, что Капезиуса, казалось, не мучали сомнения и чувство вины, погубившие его предшественника. Он намеревался воспользоваться постом в Освенциме по полной программе.

⁹⁸ Matthew Day, «SS Documents Discovered Near Auschwitz», The Telegraph, March 23, 1970.

⁹⁹ Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 2862 of 5519.

Глава 6. Аптека

Жил Капезиус в деревянном бараке около офицерской столовой. Его соседями по бараку были другие лагерные врачи, в том числе Йозеф Менгеле и Фритц Кляйн, с которыми он быстро подружился. Работал он в аптеке блока № 9 в главном лагере; эта аптека была частью огромной независимой системы эсэсовских больниц и клиник. Первый лазарет построили в 1940 году и со временем добавили палаты для заключенных, поликлиники для эсэсовцев, стоматологический офис, а также аптеку. Госпиталь, прозванный заключенными «залом ожидания перед крематорием», изначально весь уместился в одной большой комнате¹⁰⁰. К прибытию Капезиуса госпиталь разросся до здания из четырех блоков, включая один, полностью отведенный под эксперименты¹⁰¹.

– Аптека СС находилась в кирпичном здании за пределами главного лагеря, – вспоминал Капезиус после войны. – Там было два этажа и чердак. Сама аптека располагалась на первом этаже, там же была комната, где разбирали привезенные в Биркенау медикаменты и приборы. Иногда попадались и инструменты. Это все было только для заключенных. Сортировка входила в мои обязанности, но на самом деле ею занимался польский заключенный, аптекарь [Ян] Сикорский¹⁰².

Сикорский давно работал в лагере, его привезли туда еще в июне 1941 года¹⁰³.

Капезиус трудился в просторном офисе на первом этаже. Там было три металлических стола, несколько стульев, картотека и коробки, одна на другой расставленные у стены. Капезиус делил кабинет с аптекарским бухгалтером. Соседнее помещение занимали его ассистенты – заключенные, а третий кабинет, самый дальний, отвели для стоматологов и гарнизонных врачей. В небольшом изоляторе на втором этаже располагалось шесть коек для больных эсэсовцев. Верхний этаж занимал чердак, там хранились медикаменты и приборы, которые по прибытии забирали у заключенных¹⁰⁴.

– В мои обязанности входил заказ медикаментов, как для эсэсовцев, так и для заключенных, – вспоминал Капезиус. – Их привозили из центральной медицинской станции в Берлине, то есть из центральной станции войск СС. Я делал заказы для главного лагеря, Освенцима, и близлежащих Биркенау и Моновица¹⁰⁵.

Привезенные медикаменты Капезиус хранил в подвале. Там же был огромный склад пестицидов ДДТ, посланных Красным крестом для дезинсекции. В подвале были отдельные душевые и шкафчики, а также парикмахерская для эсэсовских врачей.

– В аптеке на меня работала где-то дюжина заключенных, – вспоминал Капезиус. – Не считая бухгалтеров, все эти люди были аптекарями.

У Сикорского, главного помощника Капезиуса, в подчинении находилось несколько заключенных-аптекарей.

¹⁰⁰ Gutman and Berenbaum, *Anatomy of the Auschwitz Death Camp*, 382.

¹⁰¹ Там же, первое фото – диаграмма Аушвица-I.

¹⁰² Staatsanwaltschaftliche Vernehmung (допрос публичным прокурором), Районный суд, Гёппинген, Виктор Капезиус перед старшим судьей доктором Туркенмюллером, 14 страниц, 4 Js 444/59, 4 декабря 1959 года, институт Фрица Бауэра, 6; см. также цитату Капезиуса в: Dieter Schlesak, *The Druggist of Auschwitz: A Documentary Novel* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011), Kindle Edition, 1220 of 5519.

¹⁰³ Naumann, *Auschwitz*, 191.

¹⁰⁴ Staatsanwaltschaftliche Vernehmung, 6.

¹⁰⁵ Ян Сикорский, показания под присягой на освенцимском суде, Районный суд Франкфурта-на-Майне, 19 июня 1964 года.

– Я был кем-то вроде *Oberhäftling*, надзирателя над другими заключенными, – вспоминал Сикорский. – Для капо (начальника-заключенного) мне не хватало «подчиненных». Но иногда меня так и называли – капо.

В офисе работали заключенные со всей Европы, немецкий писатель Бернд Нойман назвал это «разноцветной труппой, которую судьба собрала на смертельной сцене Освенцима»¹⁰⁶.

– Со мной работал немецкий еврей из Силезии, его звали Штраух, – вспоминал Сикорский. – Когда-то они с аптекарем Кромером вместе учились. Еще был старенький бухгалтер Берлинер. Две женщины из Венгрии, Пирошка и Ева, не знаю их фамилий. Еще симпатичный, хорошо сложенный молодой аптекарь из Трансильвании, Грош, тоже еврей. Грек по имени Аарон. И еще один венгр, крупный и толстый, Альтманн. Кажется, до войны он был торговцем вином. Было два аптекаря из Польши, Прокоп и Йозеф Горшковский из Кракова, и еще два – Шевчик и Свидерский. У нас был помощник, низенький мужчина, Суликовский. Он раньше работал с моим братом, так что мы уже были знакомы. Люди говорили на польском, русском, венгерском, немецком и идиш, и еще был наш собственный лагерный язык, *lagersprache* Освенцима. <...> Наш начальник, аптекарь Капезиус, всегда делал вид, что не слушает, когда заключенные общались на *lagersprache*¹⁰⁷.

Они называли Капезиуса не только «начальником»: его, низенького (177 см) и полного (90,7 кг), за глаза называли *Mopsel* – мопс, толстячок¹⁰⁸.

По бюрократической системе нацистов, Сикорский отчитывался не перед Капезиусом, а перед несколькими эсэсовцами, тоже аптекарями, в соседнем офисе. Одним был сержант Курт Юрачек, другой – старший лейтенант Герхард Гербер, третий – Болеслав Фримарк.

Освенцимская аптека обслуживала весь огромный лагерный комплекс. Хотя в Моновице была собственная, лагерь все равно каждый месяц заказывал медикаменты и приборы у Капезиуса. Если у него чего-то не хватало, аптека на улице Юзефинска в Кракове высылала то, что было нужно. Капезиус в первую очередь был озабочен снабжением лекарствами СС. Но в безумном мире Освенцима заключенных, которых не отправили в газовые камеры и назначили на какую-то должность или использовали как подопытных кроликов, надо было лечить только пока эсэсовцы в них нуждались. Из-за ограниченного количества медикаментов в связи с военными действиями, заключенным почти ничего не доставалось. Людвиг Вёрль, немецкий медбрат и заключенный, обвинял Капезиуса в намеренном сокрытии медикаментов от больных заключенных. Таким образом, «на его совести тысячи смертей»¹⁰⁹.

Было ли сокрытие лекарств от заключенных садистской стратегией или просто результатом приоритета эсэсовцев, не известно, но точно виден результат: многие заключенные, не убитые сразу по прибытии, умерли от болезней, которые легко можно было вылечить. Лекарства, способные продлить им жизнь, так и не покинули стен аптеки Капезиуса.

Став первым аптекарем, Капезиус поспешил провести инвентаризацию, потому что получил «аптеку в сомнительном состоянии»¹¹⁰. Он тут же обнаружил нехватку жизненно важных медикаментов.

– Раньше медикаменты и приборы держали в «Канаде», и их нередко оттуда крали, – рассказывал Сикорский.

¹⁰⁶ Naumann, Auschwitz, 191.

¹⁰⁷ Ян Сикорский, показания под присягой на освенцимском суде, Районный суд Франкфурта-на-Майне, 19 июня 1964 года; цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz: A Documentary Novel*, 1287–1293 of 5519.

¹⁰⁸ Информация о росте и весе Капезиуса взята из его анкеты (*Fragebogen*) 27 декабря 1946 года. 6 страниц, Архив Баден-Вюртемберга.

¹⁰⁹ Людвиг Вёрль цитируется в: «Spectators At War Crimes Trial Call For Lynching Of 'Child-Killer'». *The Lincoln Star* (Lincoln, NE), April 7, 1964, 2.

¹¹⁰ Капезиус цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 1245 of 5119.

«Канадой» называли большое хранилище в Биркенау, где были заперты личные вещи евреев. Польские заключенные считали Канаду далекой страной богатств.

– Аптека получала самое худшее. Поэтому доктор Капезиус пошел к коменданту и получил официальное разрешение самостоятельно забирать чемоданы¹¹¹.

Несколько раз в неделю водитель отвозил Капезиуса и двух помощников из заключенных на железнодорожную станцию в Биркенау. Капезиус описывал увиденное: «Аппарат уничтожения работал исправно. К отправке и прибытию поездов относились очень серьезно. Комендантов заранее уведомляли о прибытии поезда телеграммами и радиосообщениями, и они раздавали указания тем, кто управлял лагерями, политическому департаменту, эсэсовским врачам, водителям, охране и центру распределения работников. Каждый департамент, задействованный в «работе» с транспортом, получал особые задания в связи с прибытием каждого нового поезда»¹¹².

К приезду Капезиуса на станцию, из поездов успевали вытащить тысячи пленников. Каждому позволялось привезти багаж весом до 50 кг, почти все их имущество было завернуто в куски ткани и сложено в мешки. Все личные вещи скидывали в прогалину на обочине железной дороги. Капезиус должен был высматривать в горе вещей медицинское оборудование, а также медикаменты, в частности сульфатный порошок для ран и йод – их запасы истощались. Как правило, охранник из СС проводил поиски под руководством Капезиуса. Поскольку это были вещи новых заключенных, а многих из них отправили напрямую в газовые камеры, учет инвентаря вести не требовалось¹¹³.

Иногда, по словам Капезиуса, он находил столько лекарств, что «можно было набить целую аптеку»¹¹⁴. Все найденное он увозил с собой.

– Там мы хранили вещи привезенных в Освенцим еврейских врачей и аптекарей. <...> Я переливал содержимое склянок с непонятным или зашифрованным лейблом в цинковый чан. Все препараты в оригинальной упаковке, а также сильнодействующие средства и те, которые вызывали у меня сомнения, я оставлял и хранил в белом ящике в подвале. На ящике висело два замка¹¹⁵.

Капезиус привозил в аптеку не только лекарства. Фенольная кислота, которой некоторые эсэсовские врачи убивали заключенных, хранилась там же. Сикорский вспоминал, что Капезиус, который подписывал все заявки, был единственным ответственным лицом за заказы *phenol pro injectione* (фенола в инъекции) из Берлина¹¹⁶. Людвиг Вёрль, медбрат из заключенных, высказал предположение, что внутрисердечной инъекцией фенола убили около 20 тыс. заключенных. Такая операция проводилась, когда врачи хотели извлечь органы в качестве образцов неповрежденными. Как правило, инъекции проделывал доктор, сержант Йозеф Клер (после войны Клер сказал, что это «наглейшая клевета, что [он] слышал» и фенолом он убил «разумеется, по приказу» 250–300 человек)¹¹⁷.

Но в аптеке Капезиуса хранился еще один, куда более опасный аппарат. Однажды из Берлина поступила посылка. Сикорский открыл ее и обнаружил огромное количество открывашек

¹¹¹ Сикорский цитируется в: Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 1488 of 5119.

¹¹² Документы защиты Капезиуса на освенцимском суде, Районный суд Франкфурта-на-Майне 19 июня 1964 года, цитируется в: Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 191 of 5519.

¹¹³ The SD, Sicherheitsdienst, охранная полиция.

¹¹⁴ Показания Вильгельма Прокопа, взятые из Гессенского архива; цитируется в: Naumann, Auschwitz, 190.

¹¹⁵ Капезиус цитируется в: Dieter Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 1245 of 5119.

¹¹⁶ Показания Сикорского, взятые из Гессенского архива; цитируется в: Naumann, Auschwitz, 191–192.

¹¹⁷ Вёрль был награжден после войны медалью праведника Израильским музеем Холокоста Яд-Вашем. Людвиг Вёрль цитируется в: The Bridgeport Telegram (Bridgeport, CT), April 7, 1964, 11; Йозеф Клер цитируется в: Pittsburg Post-Gazette (Pittsburg, PA), April 7, 1964; также Клер цитируется в: Kingsport News (Kingsport, TN), January 31, 1963, 23, и в: «Past Notes: SS Orderly Kills 250 Patients», The Guardian (London), January 31, 1995, T3.

с острыми зубцами¹¹⁸. Вскоре он узнал, что они были изготовлены специально для вскрытия канистр циклона Б, с целью уменьшения риска для открывающих их эсэсовцев.

Спустя некоторое время после прибытия посылки в аптеку пришла группа эсэсовцев с запечатанными коричневыми коробками из Берлина. В них содержались канистры циклона Б по 500 гр в каждой. Капезиус, который к тому времени уже прекрасно знал для чего в Освенциме использовалось это вещество, сказал Сикорскому, что «не хотел иметь с этим дела»¹¹⁹. И не потому что он был против использования циклона Б для убийств, а просто потому что не хотел брать на себя ответственность за смертоносный инвентарь. Управление целой аптекой требовало от него невероятных усилий. Он и рад бы отказаться от этого всего, да не мог. В итоге, дюжины канистр с ядом поместили в желтый шкафчик в запертом бункере, который раньше был крематорием, прямо напротив аптеки¹²⁰. По словам Капезиуса, там также хранились «бензин, креолин, карболовая кислота, хлорид кальция и, возможно, какие-то другие жидкости в плетеных бутылках»¹²¹.

Ключи от бункера Капезиус держал в одном из ящиков стола вместе с отмычками от всех кабинетов аптеки. Если кому-то из эсэсовцев был нужен доступ к кабинету, согласно протоколу, он должен был взять ключ у Капезиуса под расписку¹²².

Хотя позже Капезиус отрекался от работы с циклоном Б, несколько свидетелей указали на их связь: согласно показаниям доктора Фейкиля Владислава, заключенного, попавшего в лагерь в 1940 году, именно «лагерный аптекарь отвечал за ядовитый газ»¹²³. Медбрат Людвиг Вёрль подтвердил, что ответственность за «хранение, распространение и применение» циклона Б лежала на Капезиусе¹²⁴. Аптекарь Шевчик видел несколько канистр отравляющего вещества в подвале аптеки. Эсэсовские офицеры Курт Юрачек и Тадеуш Добжаньский рассказали ему, что Капезиус приказал им отнести канистры с ядом в газовые камеры¹²⁵. Мало того, согласно воспоминаниям Фрица Петера Штрауха, еврейского заключенного, аптекаря и одного из близких и доверенных помощников Капезиуса, хранящийся в аптеке циклон Б не содержал раздражителей и никак не был подписан: *Degesch* изготовила его специально для убийства людей¹²⁶.

Капезиус был не просто хранителем ключей от комнат с ядом. Некоторые свидетели рассказывают, что он играл более существенную роль в убийствах, лично привозя смертоносный пестицид в газовые камеры. Здислав Миколайский, польский политический заключенный, однажды увидел, как Капезиус и эсэсовские стоматологи доктор Франк и доктор Шац загружали ящики циклона Б в машину скорой помощи; закончив, они упаковали свои противогазы и отправились в Биркенау к газовым камерам¹²⁷. Слова Миколайского подтвердили двое дру-

¹¹⁸ Показания Яна Сикорского под присягой на освенцимском суде, Районный суд Франкфурта-на-Майне, 19 июня 1964 года.

¹¹⁹ Сикорский цитирует Капезиуса под присягой на освенцимском суде, Районный суд Франкфурта-на-Майне, 19 июня 1964 года; см. также показания Прокопа, цитируются в: *The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 1928 of 5519.

¹²⁰ Допрос Капезиуса прокурором, Франкфурт-на-Майне, 7 декабря 1959 года, цитируется в: *Schlesak, The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 1314 of 5519.

¹²¹ Хотя после войны память его подводила, он утверждал, что хранилище циклона Б было «секретным», и он «не мог» сказать, сколько конкретно его у них было. Виктор Капезиус на допросе в процессе расследования, 7 декабря 1959 года, цитируется в: *Schlesak, The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 1311 of 5519.

¹²² Показания Яна Сикорского под присягой на освенцимском суде, District Court, Frankfurt-am-Main, June 19, 1964, 4Ks 2/63, Гессенский архив.

¹²³ Показания Фейкиля Владислава, 4Ks 2/63, Гессенский архив, цитируется в: *Naumann, Auschwitz*, 156.

¹²⁴ Людвиг Вёрль цитируется в: «Bribe Allegations At Auschwitz Trial», *The Sydney Morning Herald* (Sydney, New South Wales, Australia), April 8, 1964, 3.

¹²⁵ Показания Тадеуша Шевчика, цитируются в: *Naumann, Auschwitz*, 225.

¹²⁶ Peter Hayes, *From Cooperation to Complicity: Degussa in the Third Reich* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007), 298.

¹²⁷ Показания Здислава Миколайского, цитируются в: *Naumann, Auschwitz*, 253.

гих свидетелей. Одним из них по иронии судьбы был Роланд Альберт, друг детства Капезиуса. Альберта тоже перевели в Освенцим, он был лейтенантом СС и возглавлял охрану лагеря. Однажды он увидел припаркованный у газовых камер грузовик с пометкой Красного креста.

– Из машины выходят доктор Капезиус и обершарфюрер СС Йозеф Клер, – вспоминал Альберт. – Клер держит четыре зеленых канистры. Мужчины переходят зеленую полосу травы и оказываются у газовой камеры. Забираются на крышу. Надевают противогазы, и Клер, дождавшись приказа Капезиуса, поднимает крышку маленького люка. Приказ нужен, потому что право на это имеют только эсэсовские врачи. Клер вскрывает канистру и высыпает фиолетовые гранулы в люк. Это циклон Б¹²⁸.

Были и другие случаи. Однажды Дов Пайсикович, член зондеркоманды, тоже увидел Капезиуса у крематория: тот приехал на грузовике Красного креста. Когда они подошли к газовой камере, эсэовец Карл-Фриц Штейнберг с противогазом в руках спросил:

– Где канистра? Где циклон?

– Я принес только одну, – ответил Капезиус.

Штейнберг начал орать, чтобы тот немедленно принес вторую.

– В газовой камере были люди, их еще не успели убить, – вспоминал Пайсикович.

Любая задержка в умерщвлении евреев разрушала тщательно составленное расписание. Капезиус приказал водителю срочно доставить еще одну канистру с ядом. Ее привезли, Штейнберг дождался приказа Капезиуса, после чего сбросил гранулы в камеру.

В каждой крематории была своя газовая камера. В Первом и Втором циклон запускали через трубы, гранулы просто падали в закрытую комнату, тогда как в Третьем и Четвертом крематориях эсэовцы должны были забираться на лестницы и забрасывать гранулы через небольшое окошко. Когда Пайсиковича спросили после войны, как часто он видел Капезиуса у крематория, он сразу ответил: «Очень часто»¹²⁹.

Несмотря на то, что Капезиус полностью отрицал любое участие в работе газовых камер и крематориев, в послевоенных заметках он продемонстрировал поразительную осведомленность об их работе. Довольно сухо он писал: «Согласно техническому дизайну, крематории могли сжигать 4756 тел в день. Но это теоретически и в расчет бралось необходимое для очистки здания время. Каждый день во Втором и Третьем крематориях сжигалось до 5 тыс. трупов, в Четвертом и Пятом – до 3 тыс. трупов. Размер костров при бункерах не ограничивался. Летом 1944 года во время депортации венгерских евреев эсэовцы снова принялись за работу в бункере № 2. За то время в день убивали и сжигали до 24 тыс. человек. Их прах использовали для удобрения полей и осушения болот, или просто выбрасывали в соседние реки и пруды. В основном в реку Солу прямо у лагеря»¹³⁰.

Вильгельм Прокоп после войны рассказал, как однажды подслушал слова начальника о возможном использовании меньшего количества газа для убийства евреев¹³¹. Капезиус в компании сержантов Йозефа Клера и Курта Юрачека пришел к бункеру, где хранился циклон Б; Клер был старшим офицером СС в Освенциме, он управлял так называемым департаментом дезинфекции. Прокоп, страшно рискуя, решил остаться, спрятавшись за приоткрытой дверью. Капезиус приказал Клеру подготовиться получить «огромное количество канистр [циклона Б]». В них была нужда, потому что, по словам главного аптекаря, на тот день была запланирована «большая операция». За запасом яда всегда тщательно следили, не допуская возникновения нехватки. В попытках растянуть запасы и понизить расходы – ведь одна канистра обходилась в 5 рейхсмарок (около 2 долларов) – эсэовцы стали использовать меньшее количество

¹²⁸ Интервью Клера в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 1054 of 5519.

¹²⁹ Показания Пайсиковича в освенцимском суде, Mulka et al, 4Ks 2/63, Frankfurt-am-Main, August 6, 1964.

¹³⁰ Капезиус цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 861 of 5519.

¹³¹ Показания Вильгельма Прокопа в суде, 4Ks 2/63, Гессенский архив, цитируется в: Naumann, *Auschwitz*, 189.

препарата. Раньше для убийства 2 тыс. пленников требовалось 20 канистр, но это количество пришлось уменьшить до 15. Никого не беспокоило, что это увеличивало время отравления на леденящие кровь 20 минут.

Однажды Капезиус столкнулся с доктором Миклошем Нисли, румыном, который работал с Менгеле, и узнал, когда и как нацисты поняли, что перестарались, уменьшив количество циклона¹³².

– Клер, глава ответственных за газовые камеры, ворвался в кабинет Нисли, – вспоминал Капезиус. – Он взволнованно принялся рассказывать, что в горе трупов в газовой камере нашли живую девочку-подростка, она еще двигалась. Нисли схватил портфель и побежал к камере. Там у стены и правда была девушка, голая, как и остальные, еще на половину зарытая в телах. Девушка была невероятно красивая, она лежала, тяжело дыша, похожая на ангела¹³³.

Нисли вспоминал следующие напряженные минуты:

– Мы вытащили ее из горы трупов. Я перенес ее легенькое молодое тело в комнату рядом с камерой, где переодевалась газовая команда. Я уложил девушку на одну из скамей. Она была юная, около 15 лет. Я достал шприц и сделал дрожащей девушке три укола подряд. Мужчины укрыли ее холодное тело своими куртками. Кто-то побежал на кухню, чтобы принести чай или суп. Все так хотели ей помочь, как будто боролись за жизнь собственного ребенка¹³⁴.

Когда нацисты обнаружили, что Нисли пытается вылечить девушку, они заволновались, что она расскажет другим «обо всем, что с ней произошло, что она видела, и тогда это моментально разнесется по всему лагерю»¹³⁵. Они заключили, что не могут так рисковать.

– Девушку вывели, нет, скорее вынесли в прихожую, – вспоминал Нисли. – И застрелили в затылок¹³⁶.

Один из свидетелей вспоминал, что когда дела Освенцима шли на спад и заканчивались запасы циклона Б, комендант Рудольф Хёсс приказал детей не отправлять в газовые камеры, а «сжигать [заживо] на кострах, вместо топлива подбрасывать трупы из газовых камер и лить бензин»¹³⁷. Моновиц, лагерь-фабрика *Farben*, был вынужден увеличить производство метанола, чтобы помогать сжигать трупы¹³⁸.

Прокоп вспоминал:

– Я намного позже узнал, что эта операция была настолько масштабной, что из-за нехватки места в печах тела отравленных газом сжигали в окопах и кострах. Сожжение такого количества трупов на открытом воздухе распространило по всей территории неприятный сладковатый запах. Они попытались проблему устранить, и приказали это Юрачку, тоже аптекарю. Подозреваю, он делал это по приказу Капезиуса. Юрачек спросил меня, поскольку я был аптекарем, для чего использовался нафталин (пестицид). Я объяснил, что это вещество применяли для устранения неприятных запахов на улице и в закрытых помещениях¹³⁹.

Капезиус безэмоционально исполнял приказы вроде «устранения запаха» горящих трупов. Для него это было просто механическим заданием. Прокоп не удивлялся, что его начальника не передергивало от разговоров о том, как лучше устранить запах смерти.

¹³² Капезиус цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 1190 of 5519.

¹³³ Там же, 1174 of 5519.

¹³⁴ Miklys Nyiszli, *I Was Doctor Mengele's Assistant* (Krakow, Poland: Frap-Books, 2000), 88.

¹³⁵ Герман Лангбайн, показания в суде, Франкфурт-на-Майне, 4Ks 2/63, Гессенский архив, цитируется в: *Democrat and Chronicle* (Rochester, NY), March 7, 1964, 1. See also Miklys Nyiszli, *I Was Doctor Mengele's Assistant* (Krakow, Poland: Frap-Books, 2000), 90–92.

¹³⁶ Miklys Nyiszli, *I Was Doctor Mengele's Assistant* (Krakow, Poland: Frap-Books, 2000), 92.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ DuBois, *The Devil's Chemist*, 221.

¹³⁹ Прокоп цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 1916–1926 of 5519.

– Я видел в нем человека, для которого заключенный был всего лишь цифрой, с которой надо было сделать только одно – уничтожить¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Показания Вильгельма Прокопа в суде, 4Ks 2/63, Гессенский архив, цитируется в: Naumann, Auschwitz, 190.

Глава 7. «Знакомство с дьяволом»

Однажды в начале 1944 года в офис Капезиуса пришел эсэсовский врач Вернер Рёде. С ним были доктор Бруно Вебер и четверо освобожденных заключенных, которых врачи вывели из лазарета. Рёде рассказал Капезиусу, что получил задание выяснить лучший способ подмешать в кофе или чай вещество, чтобы вырубить британского агента, которого нашли и планировали похитить немцы. Рёде был нужен морфий или эвипан, быстродействующий барбитурат. Он знал, что оба препарата могут привести к летальному исходу, потому что сильно понижали кровяное давление. Другой освенцимский врач, доктор Герта Оберхаузер, часто использовала в лаборатории инъекции эвипана для убийства детей, после чего вырезала их внутренние органы или части тела и отправляла их в экспериментальный центр в Берлине. (Оберхаузер перевели в Равенсбрюк спустя некоторое время, там она специализировалась на имитации боевых ранений на заключенных с помощью стекла, гвоздей и отверток. Как ни странно, после войны она провела в заключении всего 7 лет, после чего продолжила практиковать в Германии).

Рёде хотел быть уверенным, что не убьет британского агента. Капезиус выдал ему морфий и эвипан. Вскоре после того, как четверо заключенных получили крупные дозы, Рёде доложил: «Они умерли, улыбаясь»¹⁴¹.

Капезиус не был поражен, узнав, что заключенные умерли от того, что в эсэсовских документах значилось как «сердечный приступ»¹⁴². Собственная роль в чьей-то смерти его не занимала, он считал себя всего лишь аптекарем, который предоставлял смертельные препараты, не доктором, который убивал своими руками. Он узнал, что в Освенциме препараты использовались так, как он бы не мог и представить, когда работал коммивояжером *Bayer*. И он полностью принял точку зрения друзей-эсэсовцев, которые считали, что медицинские эксперименты в лагере были «очень важным делом, ведь не существовало других мест, где можно было проводить подобные исследования просто так, без проблем»¹⁴³.

Жестокая сторона Капезиуса оказалась неожиданностью, когда он приехал в Освенцим. Роланд Альберт, близкий друг, рассказывал, что аптекарь «любил людей, был добрым <...> он был сама доброта»¹⁴⁴. Ян Сикорский, заключенный-помощник, вспоминал, что Капезиус «имел хорошую репутацию среди заключенных. Он просто там был»¹⁴⁵. Но после нескольких месяцев в Освенциме добрые отзывы сошли на нет. Как он сам позже признался, он «привык» к работе. Капезиус сделал осознанный выбор оправдать свое нахождение на службе.

Главным свидетельством морального упадка Капезиуса стало участие в отборе заключенных на платформе: он выбирал кому жить, а кому умереть. В конце весны 1944 года доктор Виртс позвал Капезиуса в свой кабинет и сообщил, что с настоящего момента в его обязанности будет входить помощь при отборе на станции. Освенцим готовился к самому загруженному периоду за все его существование: прибывали евреи, депортированные из Венгрии и Трансильвании. Было решено, что диплом фармаколога Капезиуса можно считать достаточной медицинской подготовкой. Виртс также отправил на платформу эсэсовского аптекаря и ассистента Капезиуса, Герхарда Гербера, и обоих лагерных стоматологов, доктора Франка и доктора Шаца¹⁴⁶. Даже эсэсовцы, не обладающие медицинским образованием, иногда будут вынуждены помогать, как сообщил ему Виртс.

¹⁴¹ Капезиус и Рёде цитируются в: Naumann, Auschwitz, 68–69; см. также Фейкиль Владислав, 155.

¹⁴² Капезиус цитируется в: Naumann, Auschwitz, 69.

¹⁴³ Капезиус цитируется в: Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 356 of 5519.

¹⁴⁴ Интервью Роланда Альберта в: Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 1637 of 5519.

¹⁴⁵ Показания Яна Сикорского в суде, 4Ks 2/63, Гессенский архив, цитируется в: Naumann, Auschwitz, 193.

¹⁴⁶ Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 2299 of 5519.

Капезиус и до этого периодически проводил отбор, в том числе когда в марте из Терезиенштадта, чехословацкого гетто, привезли 5007 евреев. Выжили только четырнадцать¹⁴⁷. Эрих Кулка, чешский еврей, назначенный слесарем бригады техобслуживания Биркенау, видел прибытие множества поездов, и опознал Капезиуса как одного из эсэсовцев, проводивших отбор в тот день¹⁴⁸. Аптекарь, который и так пытался уменьшить собственную ответственность за циклон Б, был не рад, что новый долг делал его более очевидной частью машины убийства. Не по этическим причинам, он просто не хотел лишней ответственности. Но было совершенно ясно, что Виртс не собирался идти на уступки. Не прошло и двух недель, как Капезиус стал ездить на платформу не только забирать вещи заключенных, но и для того, чтобы стоять рядом с другими врачами, доктором Менгеле и доктором Кляйном¹⁴⁹.

Когда весной начали прибывать поезда, битком набитые венгерскими и румынскими евреями, на освенцимской платформе произошел невероятный случай. Многие пленники были поражены, узнав Капезиуса: они работали с ним до войны, когда он занимался делами *Farben/Bayer* в Румынии. Свидетельства этих людей очень важны, потому что после войны Капезиус наотрез отказывался признаваться в участии в отборах¹⁵⁰.

Его узнали доктора Маврикий Бернер и Гизела Бём. Бернер был с женой и тремя дочками, Бём была с дочерью Эллой, которая в детстве называла Капезиуса «дядей-аптекарем». Также его узнал житель Клаузенбурга Пауль Пайор, аптекарь-еврей, которого привезли в Освенцим весной 1944 года¹⁵¹. «Когда я оказался в начале [цепочки], увидел офицера, он указывал, кому идти налево, а кому направо. <...> Этим офицером был доктор Виктор Капезиус. Мы познакомились еще до 1940 года. Тогда он был главным представителем *Bayer* и часто к нам приезжал. Он несколько раз приходил в мою аптеку и был довольно мил, мы разговаривали, пока его водитель приводил в порядок стенд товаров *Bayer*. Иногда он говорил: “Я оставлю вам нашу упаковочную бумагу, чтобы вам не приходилось что-то искать и подкладывать”, и тому подобное. Мне не верилось, что я снова его увидел».

На секунду Капезиус задержал взгляд на Пайоре и спросил:

- Вы, случайно, не аптекарь?
- Да, я аптекарь, – ответил Пайор.
- Вы содержите аптеку в Ораде?
- Да.

Капезиус указал Пайору на правую сторону. Пайор понятия не имел, что Капезиус спас ему жизнь после каких-то пары слов легким взмахом руки¹⁵². Изначально, Капезиусу, может, хотелось избежать принятия решений о жизни и смерти. Но власть быстро ударила в голову. Первым инстинктом в Освенциме всегда было отправить большую часть на смерть. Но настоящая власть была там, где появлялась возможность поиграть в Бога – сохранить жизнь, хоть это и было лишь временное отстранение от газовой камеры, что сложно назвать милосердным.

Адриана Краус тоже своими глазами увидела, как Капезиус выбирал, кого отправить на смерть, а кому сохранить жизнь. Краус привезли в лагерь в июне 1944 года с родителями и сестрами. Ее родители знали Капезиуса по работе с *Bayer*.

¹⁴⁷ Naumann, Auschwitz, 124.

¹⁴⁸ Показания Эриха Кулки в суде, 4Ks 2/63, Гессенский архив, цитируется в: Naumann, Auschwitz, 125.

¹⁴⁹ Показания Германа Лангбайна, освенцимский суд, Франкфурт, Mulka et al, 4 Ks 2/63, Frankfurt-am-Main, June 3, 1964, 58, см. 4Ks 2/63, Гессенский архив; Капезиус цитируется в: Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 821 of 5519.

¹⁵⁰ Täter Helfer Trittbrettfahrer: NS-Belastete aus dem östlichen Württemberg Vol. 3, «Der Apotheker Dr. Victor Capesius und die Selektionen in Auschwitz-Birkenau» Dr. Werner Renz, (Reutlingen: Wolfgang Proske Verlag, 2014), 67.

¹⁵¹ Raphael Gross, Werner Renz, Sybille Steinbacher, Devin O Pendas and Johannes Schmidt, Der Frankfurter Auschwitz-Proses (1963–1965): kommentierte Quellenedition (Frankfurt: Campus Verlag, 2013).

¹⁵² Raphael Gross, et al., Der Frankfurter Auschwitz-Prozess; показания Пайора цитируются в: Naumann, Auschwitz, 301.

– Когда мама увидела офицера, который проводил отбор, сразу сказала: «Да, это доктор Капезиус из Клаузенбурга». Он, вроде как, тоже узнал маму, потому что махнул ей рукой. Он отправил маму с сестрами налево, в газовые камеры, а меня направо, я выжила. Потом я встретила друга, который был с моим отцом во время отбора. Он рассказал, что отец поздоровался с Капезиусом и спросил, где были его жена и 11-летняя дочка. Капезиус, насколько я знаю, ответил: «Я отправлю вас туда, где ждут жена с дочкой. Там очень хорошо»¹⁵³.

Иногда Капезиус разделял семьи, казалось, совершенно без причины, по настроению. Это произошло с Сарой Небель, которую привезли в Освенцим вместе с 5 тыс. венгерских евреев одной июньской ночью. Она познакомилась с Капезиусом в Бухаресте до войны (в 1935–1938 годах).

– Мы жили в одном доме, – вспоминала Небель. – Я на первом этаже, доктор Капезиус на втором. Он был представителем *Bayer*. Иногда я говорила с ним и его женой¹⁵⁴.

В 1939 году, незадолго до начала войны, Небель была в гостях у Капезиуса и Фредерики, они пили кофе в трансильванском доме пары.

– Я сразу узнала его: доктор Капезиус. Я была рада его видеть. Когда оказалась перед ним, он только спросил сколько мне лет и отправил меня направо.

Ее отца, сестер и братьев Капезиус отправил налево. Небель не знала, что означали разные стороны, но не хотела разлучаться с семьей. Она попыталась вернуться к Капезиусу, чтобы уговорить его их не разлучать, но эсэсовец преградил ей путь.

– Это же доктор Капезиус? – спросила Небель.

Эсэсовец, по ее словам, удивился.

– Это аптекарь, доктор Капезиус. Откуда ты его знаешь?

Она объяснила, что они познакомились в Румынии. Но эсэсовец вытолкнул ее обратно в толпу¹⁵⁵.

Иногда Капезиус решал, кому из супругов сохранить жизнь. Доктор Лайос Шлингер, родом из Клаузенбурга, знал Капезиуса с 1939 года, когда тот был представителем *Bayer*; они общались и в светских кругах. Шлингер был среди последних депортированных из Клаузенбурга.

– Нас было двенадцать, все врачи, с нами приехала вся больница гетто, – вспоминал он¹⁵⁶.

Когда в июне поезд приехал, их вагон несколько часов простоял закрытым, пока выпускали людей из других. Около четырех утра вагон открыли. Шлингер вспоминал: «Нас грубо вытаскивали из вагона. Это было безумие, потому что с нами были пациенты, человек 200–300, многие в критическом состоянии и не могли даже стоять. <...> Больные лежали или сидели на земле. Женщины рыдали, дети кричали. Это было ужасно»¹⁵⁷.

Тогда Шлингер и увидел Капезиуса. Он подбежал к аптекарю и спросил, где они.

– В центральной Германии.

Шлингер, заметивший указатели на славянском языке, ему не поверил.

– Что с нами будет?

– Все будет хорошо, – уверил его Капезиус.

Шлингер сказал, что его жене плохо.

– Ей плохо? – переспросил Капезиус. – Тогда пусть идет туда, – он указал на группу больных.

Семнадцатилетняя дочь Шлингера повела мать к другим больным.

¹⁵³ Краус цитируется в: Schlesak, *The Druggist of Auschwitz*, Kindle Edition, 600 of 5519.

¹⁵⁴ Показания Сары Небель цитируются в: Naumann, *Auschwitz*, 263.

¹⁵⁵ См. показания Сары Небель в: «Verdict on Auschwitz: The Frankfurt Auschwitz Trial 1963–1965», документальный фильм Рольфа Бикелла и Дитриха Вагнера, First Run Films, 1993; показания Сары Небель цитируются в: Naumann, *Auschwitz*, 263.

¹⁵⁶ Показания Лайоса Шлингера, 4Ks 2/63, Гессенский архив, цитируется в: Naumann, *Auschwitz*, 243.

¹⁵⁷ Показания Лайоса Шлингера цитируется в: Naumann, *Auschwitz*, 242–243.

– Я больше никогда не увидел ни жену, ни дочь, – рассказал Шлингер¹⁵⁸.

Мало кто из евреев, прибывших весной 1944 года, знал Капезиуса лучше, чем текстильный мануфактурщик из Клаузенбурга Йозеф Глюк. Его привезли в Освенцим вместе с 2800 евреями 11 июня. Глюк был тем самым бизнесменом, который пожаловался *Farben* на задержку красителя, необходимого для продолжения работы на фабрике. Капезиус приехал к нему и лично разобрался с проблемой, после чего поддерживал контакт с Глюком, чтобы быть уверенным в удовлетворении клиента. Они не виделись два года, прежде чем их пути пересеклись на освенцимской платформе.

С Глюком были жена, 2-летние близнецы, мать, свояченица и ее двое детей. Так получилось, что в одном вагоне с Глюком оказались Альберт Эренфельд и Вильгельм Шуль, бывшие клиенты Капезиуса, с которыми у него были особенно хорошие отношения¹⁵⁹. Глюк, Эренфельд и Шуль держались вместе.

– Мы оказались перед одним из эсэсовских офицеров, – вспоминал Глюк. – Он распределял прибывших по сторонам. К моему удивлению, я узнал этого офицера! Это был доктор Капезиус. Мимо него мы прошли вместе с Шулем и Эренфельдом. И все сразу его узнали. Сначала подумали, что это подарок судьбы¹⁶⁰.

Хотя на платформе были и другие офицеры, Глюк видел, что «только Капезиус решал, кому идти направо, а кому налево».

Первым перед Капезиусом оказался 54-летний Шуль. По выражению лица аптекаря они решили, что он их узнал, но признаков этого не подавал. До того, как Шуль добрался до Капезиуса, доктор никому не говорил ни слова, только указывал, в какую сторону идти. Но знакомым мужчинам он решил задать вопрос:

– Любишь работать? – спросил он Шуля по-немецки.

– Я больше не могу работать, – ответил Шуль. – Я слишком стар.

Капезиус махнул налево.

Следующим был Эренфельд. Капезиус спросил, уже по-венгерски:

– И ты тоже здесь? Любишь работать?

– Да, – ответил Эренфельд.

Капезиус указал направо.

Подождал Глюк. Капезиус спросил, снова по-венгерски:

– Любишь работать?

– Да.

Глюк вспоминал:

– Это все, что сказал Капезиус. И отправил меня направо¹⁶¹.

Глюк и Эренфельд присоединились к группе из 130 мужчин (из 2800 привезенных жизнь сохранили только 350).

После отбора мужчин наступала очередь женщин. Хотя Капезиус отправил жену и свояченицу Глюка направо, они больше не увиделись. Маленьких детей Глюка немедленно отправили на смерть.

– Я понятия не имел, куда мы идем, – рассказывал Глюк.

Хладнокровие Капезиуса на отборе удивило Яна Сикорского; помощник аптекаря рассказывал, что начальник относился к нему «как к человеку». Такое поведение на платформе, подумал Сикорский, просто показывало, что Капезиус был «кем-то вроде Джекилла и Хайда»¹⁶².

¹⁵⁸ Там же, 243; см. также: Peter Weiss, *The Investigation: Oratorio in 11 Cantos* (London: Marion Boyars, 1996), 18–19.

¹⁵⁹ Raphael Gross, Werner Renz, Sybille Steinbacher, Devin O Pendas and Johannes Schmidt, *Der Frankfurter Auschwitz-Proses (1963–1965): Kommentierte Quellenedition* (Frankfurt: Campus Verlag, 2013), 475.

¹⁶⁰ Там же, 475–476.

¹⁶¹ Там же, 476.

¹⁶² Ян Сикорский цитируется в: «Auschwitz Druggist Tagged As Jekyll-Hyde Character», *Nevada State Journal* (Reno, NV),

Сикорский был капо и, между прочим, единственным, кто положительно отзывался о Капезиусе. Но для тех, кому аптекарь махал рукой на платформе, он был просто Хайдом.

Адриана Краус, которую Капезиус разлучил с семьей, сохранив ей жизнь, была отправлена в душевую с сотнями других женщин.

– Нас всех побрили... и голых выстроили в шеренгу, а доктор Капезиус прошелся вдоль. Я стояла рядом с фрау Штарк, старой женщиной, которая тоже давно знала доктора Капезиуса. Она заговорила с ним, спросила: «Доктор, что с нами будет?», или что-то такое, точно не помню. Он толкнул ее так, что она упала на скользкий пол. Больше я доктора Капезиуса никогда не видела¹⁶³.

Элла Бём увидела «дядю-аптекаря», когда он пришел в ее блок¹⁶⁴. Она пыталась скрыть живот беременной девушки с помощью соломы.

– Он палкой оттолкнул меня от беременной. Больше я никогда ее не видела¹⁶⁵.

Текстильный мануфактурщик Йозеф Глюк видел Капезиуса «довольно часто», как правило, в компании доктора Менгеле, они «проводили отбор в лагере». Однажды Капезиус, Менгеле и два других офицера пришли в печально известный блок № 11. Там в основном жили еврейские подростки 16–18 лет.

– Вероятно, ребята почувствовали, что сейчас будет, и разбежались во все стороны, – вспоминал Глюк. – Потом эсэсовцы с собаками все же их собрали. Это было в еврейский праздник. Два дня спустя за мальчиками приехали машины и увезли их в газовые камеры. И все со смехом. Наверное, их забавляло, как дети рыдали и звали мам. Схватили и 16-летнего племянника Глюка. До того, как эсэсовцы его утащили, он порезал руку и кровью написал на стене барака: «Андреас Раппапорт, прожил 16 лет»¹⁶⁶.

Глюк стал свидетелем того, как 6 августа СС ликвидировали «цыганский лагерь», отправив 3 тыс. женщин, детей и стариков в газовые камеры. Главными по сортировке, по словам Глюка, снова были Менгеле и Капезиус¹⁶⁷. Той осенью, когда Глюк чинил водные трубы в женском лагере, Менгеле и Капезиус снова пришли делать отбор.

– Они отправили в газовые камеры 85 женщин, [в том числе] мою жену¹⁶⁸.

Магда Сабо, румынская еврейка, привезенная в Освенцим с семьей в мае 1944 года, хорошо описала Капезиуса, которого знали простые заключенные. Проходя мимо группы эсэсовцев, она услышала, что один из них говорил по-венгерски. Вскоре она узнала, кто это был.

– Лицо доктора Капезиуса сложно забыть, – вспоминала она после войны. – Он не был похож на остальных немцев¹⁶⁹.

Сабо поместили в блок № 27 компаунда С, из которого постоянно увозили больных и слабых в газовые камеры. Отбором также занимались Менгеле и Капезиус. «Всегда одно и то же», – вспоминала она. Сабо перевели на кухню, где она с другими заключенными готовила «противный <...> суп с лагерным вкусом» из большого количества воды, крох картошки, муки и «чуть-чуть маргарина». Однажды у кого-то из заключенных нашли несколько кусочков маргарина. Капезиуса отправили с этим разобраться. Он приказал заключенным взять камни с

June 21, 1964, 13; см. также: «Jekyll-And-Hyde' Described», Tucson Daily Gazette (Tucson, AZ), June 19, 1964, 12.

¹⁶³ Там же, 579, 610 of 5519.

¹⁶⁴ К моменту дачи показаний Элла Бём вышла замуж, поэтому она фигурирует как Элла Саломон.

¹⁶⁵ Саломон (урожд. Бём) цитируется в: Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 717 of 5519.

¹⁶⁶ Показания Йозефа Глюка, 4Ks 2/63, Гессенский архив, цитируется в: Nauman, Auschwitz, 217–218.

¹⁶⁷ Показания Йозефа Глюка цитируются в: Naumann, Auschwitz, 218; Ota Kraus and Erich Kulka, «Tovarna na smrt» (Death Factory), (Prague: Nase vojsko, 1957), 200.

¹⁶⁸ Показания Йозефа Глюка, 4Ks 2/63, Гессенский архив, цитируется в: Naumann, Auschwitz, 217; см. также письмо Глюка Лангбайну, цитируется в: Schlesak, The Druggist of Auschwitz, Kindle Edition, 2255–2266 of 5519.

¹⁶⁹ Показания Магды Сабо цитируются в: Naumann, Auschwitz, 222.

улицы и прыгать с камнями в руках, назвав это «упражнением»; прыгать было приказано, пока не выдохнется¹⁷⁰.

– Я – Капезиус из Трансильвании, – кричал он заключенным. – Считайте, что это знакомство с дьяволом¹⁷¹.

¹⁷⁰ «Survivor Of Auschwitz Labels Capesius 'Devil,'» The Lincoln Star (Lincoln, NE), August 25, 1964, 19; «Death Camp Defendant Was 'Devil,'» The Troy Record (Troy, NY), August 25, 1964, 17; показания Магды Сабо цитируются в: Naumann, Auschwitz, 223.

¹⁷¹ «Nazi Called Self The Devil, Witness Says», Democrat and Chronicle (Rochester, NY), August 25, 1964, 9; показания Магды Сабо цитируются в: Naumann, Auschwitz, 223.

Глава 8. «Яд Bayer»

Поскольку эсэсовские врачи считали себя профессиональной элитой, следовало бы ожидать, что простой аптекарь вроде Капезиуса будет рассматриваться не так высоко. В таком случае от него не станут ожидать активного участия в безумных экспериментах над людьми. Но у Капезиуса была особая квалификация, которая дорогого стоила, а именно работа на *Farben/Bayer*. Компании достигли дьявольского зенита в Освенциме. Все лагерные врачи были им обязаны: именно компании *Farben* и *Bayer* спонсировали многие медицинские эксперименты, так что лагерь по сути превратился в огромную человеческую лабораторию.

Доктор Гельмут Феттер, гауптштурмфюрер СС и давний сотрудник компании, следил за программами утилизации заключенных для тестирования медицинских препаратов. Некоторые директора *Farben* уже подозревали, что будущее компании не в области химикатов, а в развивающейся сфере современной фармацевтики. Эсэсовский врач Вальдемар Ховен дал показания после войны: «Эксперименты в концентрационных лагерях, проводимые IG [*Farben*], проводились только в интересах IG, которые заключались в эффективности работы. <...> Инициатива проведения экспериментов в концентрационных лагерях принадлежала не СС, а IG.»¹⁷².

СС разумеется не просто брали заключенных на эксперименты, спонсируемые *Farben*. Компания покупала людей в качестве подопытных кроликов так же, как и платила эсэсовцам за рабский труд заключенных в Моновице. Как-то *Bayer* торговалась с комендантом Освенцима за стоимость 150 женщин, которые требовались для тестирования «нового снотворного препарата». СС хотели получить 200 рейхсмарок (около 80 долларов) за каждого заключенного, а *Bayer* считала, что это «слишком дорого»; компания предложила 170 рейхсмарок, на что СС согласились. «Просим подготовить 150 женщин, как можно более здоровых», – писал один из директоров *Bayer* в меморандуме, подтверждающем покупку.

Получив женщин, *Bayer* написала СС: «Несмотря на истощенное состояние, заключенные были признаны удовлетворительными. Будем держать вас в курсе событий относительно развития экспериментов». Несколько недель спустя директор *Bayer* отправил СС меморандум, невероятно похожий на те, после которых эксперименты в концлагере прекращались. «Эксперименты окончены. Все подопытные умерли. Скоро свяжемся с вами насчет новой поставки».

Но были и другие эксперименты; документы *Farben* в жутких деталях описывают провалившуюся программу «3582» – непроверенный препарат, предназначенный для лечения тифа. Эсэсовские врачи брали по 50 подопытных за раз, заражали их тифом, а затем приступали к экспериментальному «лечению». Побочные эффекты разнились от волдырей во рту до истощения и неконтролируемой диареи и тошноты. Пару месяцев (и три ужасных фазы) спустя, в 1943 году, погибло около 55 % испытуемых. Примерно столько же выживало без лечения. *Farben* решила начать все с начала и создать новую формулу медикамента. Тем временем заключенных, поборовших тиф, отправляли в газовые камеры, с целью предотвратить заражение еще большего количества людей.

Группа женщин погибла в результате чего-то, описанного как «эксперименты с неизвестными гормональными препаратами». Целый блок № 20 заразили туберкулезом и попытались вылечить неизвестным препаратом компании *Bayer*, но все погибли¹⁷³. В одном из экспериментов доктор Феттер протестировал антибактериальные медикаменты все того же производителя, вколов в легкие сотен женщин стрептококк. Все испытуемые умерли медленной и мучитель-

¹⁷² Ховен цитируется в: «Auschwitz: 60 Year Anniversary – The Role of IG Farben-Bayer», Alliance for Human Research Protection, January 27, 2005.

¹⁷³ Об экспериментах *Farben* см. DuBois, *The Devil's Chemist*, 207–227.

ной смертью от отека легких. Феттер представил отчет о неудавшемся лечении Вермахтской медицинской академии¹⁷⁴.

Менгеле, вне сомнений, был главным энтузиастом-экспериментатором в лагере; он использовал непроверенные медикаменты *Farben*

¹⁷⁴ Jeffreys, *Hell's Cartel*, 327.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.